

Б/457-458

ИЗДАНИЕ ОБЩ. ИМ. М. КАЧКОВСКОГО

Январь и февраль 1914. Ч. 457 и 458.

Молиса

Оучиса

Трѣдиса

Трезиса

ТАТАРОВЕЦЪ.

ПОВѢСТЬ.

изъ татарско-монгольскихъ наѣздовъ.

Написаль

Антоній Ивановичъ,

НАРОДНЫИ СКАЗАНІЯ.

(Собраль изъ усть народа С. Шахъ).

ЛЬВОВЪ 1914.

Изъ типографіи Ставропигійскаго Института
подъ управленіемъ М. Реѣди.

За редакцію отвѣчаетъ : Филиппъ И. Свистунъ.

Цѣна 40 гел.

РУССКАЯ ПЕРЕПЛЕТНАЯ

**въ Ставропигійскомъ Институтѣ
Львовѣ, Бляхарская ул. ч. 11**

подъ управленіемъ ПЕТРА ПОДОЛЯКА

принимаетъ въ переплеть въ различныхъ родахъ
якъ въ кожу, такъ и въ полотно, равноже и въ
изящномъ видѣ

молитвословы, всѣ церковныя книги, Евангелія,
приходскія и громадскія друксорты, всѣ мірскія
сочиненія, также всѣ другія галентерійно пере-
плетничіи работы,

входящія въ кругъ переплетничого искусства. Всѣ
работы исполняются совѣстно, крѣпко и изъ самого
лучшого матеріала подѣ наблюденіемъ префекта изъ
рамени Ставропигійского Института по умѣреннымъ
цѣнамъ. Съ заказами просимъ обратиться въ пере-
плетную въ Ставропигійскомъ Институтѣ,

ЛЬВОВЪ, ул. Бляхарская № 11.

Работы изъ провинціи исполняются въ про-
долженіи 24 ч.

2006.13

~~14.541.~~

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

ИЗДАНІЯ ОБЩЕСТВА ИМЕНИ МИХАИЛА КАЧКОВСКОГО.

Январь и февраль 1914.

Ч. 457—458.

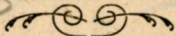
ТАТАРОВЕЦЪ.

ПОВѢСТЬ

ИЗЪ ТАТАРСКО-МОНГОЛЬСКИХЪ НАѢЗДОВЪ.

Написалъ

АНТОНІЙ ИВАНОВИЧЪ.

5356.

Дар. 138-14/150

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

ЛЬВОВЪ 1914.

Изъ типографіи Ставропигійского Института
подъ управ. М Реція

За редакцію отвѣчае: Филиппъ Ив. Свистунъ.

8(с)У.": 1917"-3

ЛВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ И 59572

Славити Бога нынѣ инакъ у насъ. Неодно измѣнилось, неодно уллучшилося и сама доля по тѣлькохъ вѣкахъ якъсь веселѣйше усмѣхнулася до насъ. Вправдѣ доля та якъсь все еще пригорблена и карловата, хотя ей еще далеко до того, щобы усмѣхнулася нашому русскому народу и удѣлилася ему такъ щедро, якъ всѣмъ другимъ націямъ, но все такой нынѣ о много лучше, якъ было передъ кѣлькома столѣтіями у насъ, все та доля лучша отъ всѣхъ оныхъ лихолѣтій и бѣдствій, якіи одни за другими спадали на нашу землицю.

Сегодня нѣтъ уже нечаянныхъ, розорительныхъ татарско-бисурманскихъ наѣздѣвъ; не трагуютъ уже теперь дикіи турецко-монгольскіи полчища нашої землицѣ; бѣдный хлѣборобъ не трудится теперь отъ ночи до ночи на панско-шляхотскихъ ланахъ, а его майно не пропадае за той часъ на слотѣ или въ снѣгу.

Минули безвозвратно и тѣ нагайки, якіи за время панщины такъ густо писали сино-кервавыми буквами по хлопской спинѣ. Минулося безвозвратно все то лихо, оставило по себѣ печальное злопамятное воспоминаніе!

Супокѣйно буде сегодня нашъ чловѣкъ свою хатину, безжурно обзаводится на будущность своею господаркою, бо знае, що теперъ середъ бѣлого дня не вознесутся непрозрачны клубы дыму и пожежи, не освѣтятъ ночью керваво цѣлого небосклона, не ударятъ нечаянно ни въ день ни въ ночи звоны въ тревогу перешибающимъ стономъ; невспинене море пожежи не оберне въ кѣлькохъ годинахъ цвѣтучихъ городѣвъ, мѣсть та сель въ кучу попела та мусора.

Супокѣйно лягае нашъ господарь сегодня спати, бо певный, що не прійдется середъ темной ночи угѣкати въ безвѣсти та дебри съ пѣдъ рѣдной стрѣхи, певный що татарскій арканъ не хватить его за шею и не повлече мовь собаку за татарскимъ або турецкимъ таборомъ въ лютый бисурманскій ясырь-неволю! Въ полной надеждѣ на сбѣрку, обрабляе онъ свою землю кормилицю, съ вѣрою святою сѣе зерно, бо свято увѣренный, що копыта татарскихъ коней не стопочать теперъ и не перемѣсятъ въ землю и глину золотое колосье его нивы.

Все то страшне лихо минуло, а въ нашѣмъ русскѣмъ народѣ сталося лише преданіе, що куда татарская орда перешла, тамъ уже бѣльше трава не выросла!

Пѣдчасъ такихъ татарскихъ и турецкихъ наѣздѣвъ и набѣгѣвъ погибали тысячи беззащитного народа. Гибли сивоволосы и надмогильныи

старики; гибли матери та грудныи дѣти-младенцы, а самъ цвѣтъ русскаго народа, тысячи мужчинъ и женщинъ въ силѣ вѣка, повязанныхъ арканами, гнала татарская дичь въ гôрьшу отъ смерти неволю-ясырь. Рѣдкимъ былъ случай, щобы кому съ удалось утечи передъ нападомъ.

За каждымъ такимъ нападомъ и наѣздомъ сотки и тысячи нашихъ цвѣтучихъ сель и богатыхъ мѣсть обертались въ розвалины и попелища. Тысячи нашихъ золотоверхихъ, богато украшенныхъ, чудныхъ церковей падало отъ невѣрной, святотатской руки жертвою грабежа и огню! Якъ черная хмара саранчи упале на золотоколоту ниву и за хвилию обгрызе все до земли, такъ татарская дичь густо часто спадала на наши земли и въ одной хвилѣ нишила и руйновала все, що попало пòдъ руку чи криву шаблюку!

Изъ славныхъ когда-тò городовъ, мѣсть и сель на необозримыхъ просторахъ Руси оставались недопалены згарища; изъ жилищъ, домовъ, княжихъ палатъ, крѣпостей и богатыхъ церковей оставались окоптѣлыи руины; изъ зажиточныхъ жителей оставались по селахъ кучи людскихъ труповъ, валяющихся въ калужахъ людской крови. Куда колись роздавалася милозвучная русская пѣсня, тамъ зойкъ, плачь и роздирающій сердце стонъ погибающихъ, а надъ ними рыданіе, плачь тѣхъ, которымъ удалось утечи передъ смертію, затирали всякій слѣдъ славной минушины и достатковъ.

До нынѣ еще сама ѿдумка про стѣдавныи времена стискае за сердце, а слезу жалю тисне въ очи. До нынѣ по всей Руси остались тутъ и

тамъ усыпанныи могилы, татарскіи названія мѣстностей, сель а даже и людей, та жалостныи пѣсни та розказы межи русскимъ народомъ.

П Р Е Д А Н І Е.

Про одинъ такій наѣздъ на русску землю розказують въ окрестности Жидачева. Тамто на полудневый западъ отъ Жидачева въ отстояніи якихъ 4 до 5 километрѡвъ, по лѣвой сторонѣ рѣки Стрый, лежитъ сегодня невеличке чисто русске село. Волиця, Гнѣздычевская, а на правѡмъ березѣ Стрыя прямо противъ Волицѣ розлягаеся село Гнѣздычевъ.

Межи доокрестнымъ народомъ есть предаііе, що въ старину такъ Гнѣздычевъ, якъ и Волиця Гнѣздычевская составляли одно село, но черезъ ненависть межи двома рѡдными братьями, рѣка Стрый роздѣлила оба тѣ села. Но вѣроятнѣйше названіе Гнѣздычевской Волицѣ походитъ отъ того, що за давныхъ часѡвъ, коли то люди дѣлилися на панѡвъ и на хлопѡвъ-рабѡвъ, трудившихся на первыхъ, останкомъ чого, была недавно скасована панщина, то певно изъ якогось села отъ якогось лютого пана угнетаемыи люди утекли за рѣку въ зарѣчныи лѣсы та очереты, где имъ дѣдичъ Гнѣздычева позволилъ основати поселеніе, и призналъ имъ на нѣскольکو лѣтъ

„Волю“, т. е. свободу отъ панщины и другихъ тягаровъ.

Колись тутъ мусъли быти недоступныи мѣстця, мокляки, та надрѣчныи гущаки и лѣсы; бо еще и сегодня розлягаются вокругъ Волицѣ мѣстцями глубокии трясавицѣ, покрытыи густымъ, высокимъ тростникомъ и шуваромъ; гдекуда еще нынѣ земля на такихъ охабахъ съ краю здрадлива и непевна легко и нечаянно западаея пѣдъ людскою стопою. Пѣдскѣрное болото тутъ на нѣсколько сажней глубокое. На зиму тѣ трясавицѣ николи не замерзають.

Одна съ тѣхъ наибѣльшихъ, бездонныхъ трясавицъ зовесе „Татаровецъ“, та сама та назва доказуетъ, що колись татарскіи загоны ажъ туда загналися.

Дальше вѣрить и розказуе мѣстцевый народъ, що на мѣстцѣ, где нынѣшній Татаровецъ середъ красивого русского поселенія стояла колись церковця. На то поселеніе напали Татары. Русскій христіанскій народъ, видячи грозячу опасность, кинулъ звоны и церковную утварь въ бездону глубѣнь трясавища, чтобы не попали въ невѣрныи руки, а самъ розбѣгся, куда мѣгъ, по очеретахъ.

Розказують мѣстцевыи люди, що еще и нынѣ можно почути въ глубинѣ легкии звуки тѣхъ звонѣвъ на „Рахманскій Великдень“. Того то дня въ 12 часѣвъ пѣдплывають они самыи пѣдъ верхъ изъ своеи глубины и звонять.

Можно — кажутъ — ихъ чути, видѣти а даже зловити, но тѣлько тому, кто есть „вѣрнымъ“.

Кого понимае народъ по́дъ тымъ словомъ „вѣрный“, не знати точно.

Дѣялося то уже давно, въ замерклыхъ уже лѣтахъ нашої старины въ 13 столѣтіи.

Послѣдній лучъ солнца западалъ надъ великимъ на той часъ селомъ Гнѣздо или Гнѣздычевъ.

На дворѣ смеркалося. Вечерній сумракъ залягалъ що-разъ больше землю; все утихало. Одинокій легко зрывающійся вѣтрець началъ перерывати тишину того вечера. Огъ сѣверо-западной стороны темныи, невеличкіи хмарки начали насуватися на небосклонъ. Въ великой мрачной синявой обвѣдцѣ появился блѣдый мѣсяць. Въ селѣ озвался лай собакъ, якіи перерываль вечернюю тишину.

Огъ лѣса, якіи простиралися по сѣверо-западной сторонѣ села, повертала громадка людей.

— Буде якась новина — озвался старшій вѣкомъ человѣкъ, который ѣхаль на конѣ съ другимъ якимсь мущиною. Правую рукою держаль онъ за поводы быстрого каштановатого коня, а въ лѣвой руцѣ держаль лукъ, черезъ плечи висѣлъ колчанъ съ стрѣлами.

— А може то на змѣну на дворѣ, на дождь, бо якое небо затягаеся, западникъ повѣває и мѣсяць обвился въ синю обвѣдку цѣлкомъ на слоту. Щобы хотя где огню не было, бо и собаки якое непевно лають.

— Дуже можливо, що буде слота, бо и такъ долго была погода, а що собаки лають, то мо-

же и на огонь — може и на яку другу бѣду. Якось ихъ голосъ гейбы отъ землѣ несется, видно къ землѣ пыски попротягали, а такой лай то може быти и на огонь и на войну, — такъ озвался къ первому другій ѣздокъ на гнѣдомъ, гарно плеканомъ конѣ.

И понеслася между обома бесѣда про собачій лай, та про то, що съ него старшіи, опытнии люди вѣщуютъ.

Тѣ на передѣ цѣлого товариства люди, котории съ собою бесѣдували, то были два русскіи „огнищане“, котории жили въ селѣ Гнѣзда. Первый звался Гнѣздычъ отъ названія села, второй Любоміръ Воличъ, возможно, що отъ того его такъ кликано, що у него были прехорошіи волы. Оба они мали въ колишнемъ Гнѣздычевѣ свои двѣрки, своихъ пѣдвластныхъ селянъ, такъ зовимыхъ „людей“. Оба они яко русскіи огнищане кромѣ дворищъ мали орныи поля, котории обробляли имъ „смерды“, т. е. свободныи люди имѣвшіи малыи земельныи участки, та рабы или невѣльники, которыхъ собѣ купили или въ войнѣ плѣнили.

На где-которыхъ „огнищанѣхъ“ тяжилъ обвязокъ на случай войны на зазывъ князя поставити отвѣтне число вооруженныхъ воиновъ, надъ которыми имъ прислужовало начальство и тѣ огнищане мали титулъ бояръ.

Такъ отже огнищане съ своими „смердами“ спѣшили на княжескій покликъ и пѣдъ проводомъ княжихъ воеводѣвъ или военачальникѣвъ брали участіе въ войнѣ, а ихъ земли обрабляла за той часъ въ дома челядь или рабы.

Гнѣздычъ, якого мы видѣли на конѣ напередѣ, былъ такимъ обовязанымъ до военныхъ походѣвъ бояриномъ.

За тѣми двома ѣздоками ѣхало подальше еще кѣлькоро людей на коняхъ. Одинъ изъ нихъ высокій ростѣмъ о ласкавѣмъ выгледѣ лица, надъ его голубыми очима прегарно складалися густыи брови, а невеличкій, недавно усѣяный мовъ золотавый усъ, придавалъ его ѣгъ вѣтра и солнця опаленому лицу и добродушность и повагу.

Человѣкъ той имѣлъ видъ на якихъ 24 до 25 лѣтъ, хотя якъ на той вѣкъ былъ крѣпко и сильно розвиненый. Былъ то рѣдний, другій съ ряду, сынъ Гнѣздыча Святоборъ. Его старшій братъ погибъ въ лютой борьбѣ надъ рѣкою Днѣстромъ пѣдъ проводомъ новгородского и галицкого князя Мстислава Удалого, который въ той борьбѣ ѣгобр лъ галицку княжеску землю съ рукъ Угрѣвъ, которыи еѣ неправно заняли пѣдчасъ малолѣтства славного пѣзднѣйше галицкого князя Данила Романовича.

Венгры тогда добывши Галичъ и все галицке княжество, накинѣли Коломана сына своего короля Беллы, на князя въ Галичѣ.

Князь Мстиславъ Удалый съ своими вѣрными полками встрѣтилъ угорскіи войска надъ рѣкою Днѣстромъ, тутъ побилъ ихъ цѣлкомъ, прогналъ ихъ съ Галича, а молоденького Коломана взялъ въ неволю и держалъ цѣлый рѣкъ запертого въ крѣпости Торческъ. Но въ той зажертой борьбѣ надъ Днѣстромъ погибъ цвѣтъ русского Мстиславого боярства, тамъ погибъ и сынъ Гнѣздыча и братъ Святобора.

Другій мушина, якій ѣхалъ на гарнѣмъ бѣлѣмъ, богато убранѣмъ конѣ, былъ челоуѣкомъ середнѣго роста, ни крѣпкій ни рослый, бѣльше сухорлявый. Его безцвѣтное блѣдавое лице, накроплене густыми веснушками; великіи бурьи, всегда неспокойныи очи, при потягломъ лицѣ мовѣбы вылазили съ невеличкого лоба. На головѣ рѣдкій волосъ, ни то темно-русавого ни рыжавого цвѣта, якаясь дивна мѣшанина масти, подобнымъ былъ и зарѣстъ лица. Руки у него костистыи съ грубыми синявыми жилами, якіи прозирали съ пѣдъ блѣдавои кожи.

Все то разомъ и то потяглое, выблѣдлое лице, тѣ сухіи, костистыи руки, той недостатокъ молодечои силы и живости, мимо его доперва 25 лѣтъ, надавало ему о много старшій видъ.

Былъ то Яношъ, коренній мадьяръ, по отцѣ и матери, отчичъ, т. е. владѣлецъ невеличкого на ту пору поселенія въ околицѣ нынѣшнихъ Цуцыловець, которое отъ венгерского короля получилъ его отецъ за свои военныи заслуги, во время завоеванья Галицкой земли венгерскими войсками. Тогда то угорскій король понадѣлювалъ многихъ своихъ людей русскимъ селами и землями, щобы Галицкую землю омадьярити.

Яноша отецъ погибъ тоже въ битвѣ надъ Днѣстромъ, пѣзднѣйше въ кѣлька лѣтъ умерла его мати, а теперъ онъ былъ самъ одинокимъ мадьяромъ середъ той русской стороны, ибо другіи мадьярскіи бояре вернули въ свою отчину. Хотя онъ взрѣсъ середъ той русской стороны и ей жителей, душа и переконанья въ немъ остались мадьярскими.

Коли ђнъ до кого заговѣрилъ, то поневольно сейчасъ его уста сложилися дивно до якогось непевного, загадочного усмѣха, а очи позирали якось лукаво и несмѣло. Они мало коли споглядали другому прямо въ лице, а если и поглянули на хвильку, то сейчасъ опускалися въ землю. Боялися прямого погляда. И цѣле поведенье взагалѣ зраджовало якуюсь вѣчну нерѣшительность и непевность, говорилъ отрывочно и часто не кончилъ начатого реченья.

За то строился въ дорогоцѣнныи одежи и смотрѣлъ свысока на другихъ. Его подвластныи, такъ челядь якъ и свободныи люди, его не любили и тайкомъ прозвали его мадьярскимъ Цуцыкомъ, та уже такъ и мы его назовемо.

Трегья съ ряду была молоденька, сѣмнадцатилѣтная дѣвица, дочь Любоміра Волича, который ѣхалъ на передѣ. Была то его одиночка, при томъ и сирота по матери, именемъ Ярослава. Была то дѣвица-красавица, про якуи и наша русска приповѣдка каже: „що по свѣту далекошироко бывалъ, но надъ русску красавицу въ свѣтѣ не видалъ“!

Стать у неи выше середнего роста, гнучка и струнка, мовь у тои роскошнои молоденькои ялички, взрощенной середъ давныхъ нашихъ свободныхъ русскихъ гѣрь. Двое милыхъ, живыхъ, мовь терень чорныхъ оченять плѣняли и притягали къ собѣ своимъ любимъ, супокѣйнымъ добротливымъ взглядомъ, а надъ ними шнуркомъ протягалися два рядки чорныхъ бровъ, а коралевыи дрѣбныи усточка усмѣхалися мило и привѣтливо. Еи дрѣбную головку оплѣтали кѣлька разъ вокругъ долги, мовь шолкъ блестящии чор-

ныи косы, съ воткнутыми тутъ и тамъ гарными цвѣтками.

Ярослава сидѣла на одну сторону на гарномѣ, росломѣ, бѣломѣ конѣ, который мовьбы понимаючи, яку цвѣтку несе на собѣ, мовь лебедь гордо вытягнулъ та поднялъ свою гарну шею. Одною рукою придержовала она коня, въ другой держала пучокъ польныхъ цвѣтовъ, поданный ей рукою Святобора. По при ней ѣхаль, вырѣвнавшися съ нею молодой Гнѣздычъ Святоборъ, бесѣдуючи весело про щось; но видно было, що пріятна была ей его бесѣда, бо ѳтъ поры до поры, ей черныи мовь терень оченята задержувалися, а на лице выбѣгалъ мовь пламя червоный румянецъ.

Въ сторонѣ о кѣлька кроковъ ѳтъ нихъ ѣхаль Яношъ, прозванный „Цуцыкомѣ мадыарскимъ“, съ понуреными въ землю очима, нервово, хотя може и несвѣдомо, стискалъ коня стремянами, который не понимаючи воли ѣздока, то рвался то приставаль опять норовисто. Яношъ на видъ не мѣшался въ бесѣду Святобора и Ярославы, однакъ его чутке ухо ловило торопливо и лакомо каждое голоснѣйше слово, а очи полны зависти кидали злобный съ пѣдъ лоба взглядъ въ сторону молодыхъ, затопленыхъ въ любой бесѣдѣ — Ярославы и Святобора.

Быстрое, вправне око пѣзналобы сейчасъ по его еще бѣльше выблѣдломѣ безцвѣтномѣ лицѣ, що огонь якоись скрытой зависти и гнѣва пожирае его сердце. Впрочемъ выглядалъ спокойнымъ, рѣвнодушнымъ мовьбы цѣлый свѣтъ и все вокругъ его не обходило.

Недалеко по заду за ними ѣхаль въ два кони запряженный вѣзъ, на немъ кѣлькоро людей

съ прислуги и кѣлька штукъ убитой дичины, а съ воза висѣла страшлива морда съ бѣлыми клыками старого дика.

Цѣле то товариство приближалось уже вечеромъ до поселенія званого тогда „Гнѣздомъ“, нынѣ „Гнѣздычевомъ“ и тутъ rozdѣлились. Любомиръ съ Ярославомъ попрощались съ прочими и пустились въ сторону загороды. Еще отъ высокихъ воротъ съ крышечкою, Ярослава несмѣло обернулася, а ей оченята встрѣтились съ взглядомъ Святобора, которого очи еѣ провадили, поки съ отцемъ не зникла за высокимъ, дикимъ повоемъ та хмелемъ покрытымъ огороженьемъ.

Старый Гнѣздычъ съ Святоборомъ распращавшись съ Яношомъ пустились въ другій конецъ села, где середъ величавыхъ прастаролѣтнихъ липъ, кленѣвъ и другихъ деревъ розлягалася вразъ съ постройками для службы загороды Гнѣздыча.

Передъ Гнѣздомъ, середъ що-разъ бѣльше западающей ночи остался теперь Яношъ самъ одинъ. Хотя всѣ попрощались съ нимъ, то онъ еще долгу хвилю остался на мѣстцѣ, мовбы не зналъ, що теперь съ собою дѣлати, куда ему дѣтися.

И дѣйствительно. Нашъ мадьярскій Цуцыкъ не зналъ, куда ему дѣтися! Онъ яко мадьяръ былъ тутъ чужинцемъ на той землѣ, до которой впрочемъ ничъ его не вязало. Поки жилъ его отецъ, жилося ему ѣтраднѣйше, но по его смерти Яношъ остался самъ одинѣсенькій середъ русского краю, середъ тѣхъ чужихъ ему людей. Одно его тутъ вязало, одна думка приковала его сердце до той чужины, а то думка про красивую Ярославу, яка плѣнила его сердце и душу.

Постояль онъ такъ долго въ нѣмой задумѣ — въ кѣнці фырканыя коня, якій нетерпѣливо вертѣль собою, сбудило его изъ того состоянiя нерѣшительности. Завернулъ коня и дорогою якою тутъ заѣхалъ помчался прямо надъ рѣку, котору о той порѣ не боялся переплысти съ конемъ вплавъ, а за рѣкою завернулъ въ сторону своего села, отъ его насмѣшливого имени прозваного „Цуцыковцами“ — кажутъ, що ѡдти повстала теперѣшна назва Цуцыловцы.

За рѣкою, дѣставшися на свою сторону, ѣхалъ уже крокъ въ крокъ.

Его грудь прилягли якiсь прикрыи думки, а чому, ѡтки они? Думаю, що читатели, запримѣтили по его поведенью, що онъ розлюбился въ красивой Ярославѣ. Онъ пѣзналъ, що онъ тутъ одинокимъ чужинцемъ, однакъ рѣвночасно чувствовалъ, що тѣ мовъ терень, любви оченята, тѣ дрѣбныи коралевыи усточка приковали и привязали его до тѣхъ сторонъ, до той стройной, преле тной дѣвицѣ, отъ которой такимъ холодомъ вѣяло на него.

Нынѣ пѣдчасъ ловѣвъ въ его имѣнiяхъ, на якiи пригласилъ онъ своихъ сосѣдѣвъ, а которы нарочно устроилъ, чтобы видѣти тую зѣрку красавицю середъ своихъ лугѣвъ, ланѣвъ та лѣсѣвъ, чтобы радоватися та наслаждатися самымъ ей видомъ, переконался, що вмѣсто ѡтрады и потѣхи, мовбы найострѣйшу отрую влилъ въ свое сердце, бо пѣдчасъ устроеныхъ нимъ ловѣвъ запримѣтилъ скоро, що его счастье вырывается ему съ рукъ, бо тѣ оченята, которыи его плѣнили, которыи забрали ему спокѣй душѣ, которыи лишили его рѣвновѣсiя духа, которыи сдѣлали съ него прямо узника и невѣльника, тѣ

то оченята его не любятъ, они шукали когось, тѣлько не его, гордого Яноша. Запримѣтилъ тоже, що Святоборъ любить Ярославу и що она ему благосклонна.

Однакъ на саму ту послѣднюю гадку щось стиснуло его за сердце и кровь живѣйше ударила ему до головы. Онъ встрепенулся, а середь глухой ночи, та пустого поля шепотомъ зми понеслися съ слабымъ вѣтромъ слова, якіи вырвалися съ его груди:

„Еѣ менѣ никто не выдре! Она останесь моя!“

На самомъ дѣлѣ. Его беспокойны бурны очи замѣтили, що сердца Ярославы Воличъ и Святобора Гнѣздыча взаимно себе шукали, що тѣ два сердца уже себе ѡтнайшли и полюбилися, хотя еще передъ собою съ тѣмъ скрывалися. Ѳгъ нынѣшнихъ ловѡвъ въ имѣніи Яноша Цуцыка, на якіи ихъ тойже пригласилъ, тѣ два сердца еще бѡльше сблизилися къ себѣ, та живѣйше и горячѣйше забили тихою любовью. Но ѡгъ нынѣшнихъ ловѡвъ розгорѣло я и третье сердце, а то сердце Яноша, который побачивши еѣ въ своихъ имѣніяхъ, ту мовъ зореньку красивую, пѡзналъ, що позабыти еѣ не дастся.

Но вмѣстѣ съ неунимаемою любовью, озвалась въ его грудяхъ съ начала тихая, потомъ що-разъ сильнѣйша зависть, котора вкѡнцѣ обратилась въ непонятну ненависть и жажду, всякимъ способомъ усунути противника и посѣсти свое сокровище.

Ѳгъ той днины теперъ дуже часто ранкомъ и днемъ и пѡздною вечерною порою, можно было встрѣтити Яноша, неразъ на конѣ, неразъ пѣшкомъ надъ рѣкою, та годинами цѣлыми вди-

вляющоґося въ сторону Гнѣзда. Часто якась невидима сила толкала его дальше. Онѣ пускался вплавъ черезъ рѣку на гнѣздычевску сторону, та никимъ незамѣченный, приближался по́дъ загороду Волича, а все гнала его думка, що може узритъ Ярославу, та якимсь чиномъ розскаже ей свое чувство, свою невыносиму тугу.

Но такъ, якъ оґъ стороны села Цуцька изъза Стрыя, такъ изъ самого Гнѣзда, оґъ двора Гнѣздыча по́дходилъ та наближался, часто никимъ незапримѣченный другій гость, которого тягла туда сердечна думка, побачити карыи оченята, та роскошны усточка тои, котора закувала его свободу привязала всѣ его думки, та мысли до себе. А нимъ былъ Святоборъ.

Было то лѣтомъ въ тихій поґодный вечеръ. Просторый, старинный садъ, якій розтягался за дворомъ Волича, освѣтилъ ясно полнолицый мѣсяць. Оґъ саду ближе двора, окруженный высокою огородою съ остроколя и густымъ, непрохонимъ живоплотомъ, былъ огородецъ съ грядочками всякихъ рожнородныхъ цвѣтовъ, плеканыхъ нѣжною рукою женщины. Помежи грядочками цвѣтовъ вели чистыи, широкии, бѣлымъ пѣскомъ усыпанныи стежки, а на головной стежинѣ, яка вела черезъ огородецъ въ садъ и губилася въ тѣни деревъ, указалася, мовъ бы яка сказочна русалка, выманенная блѣдымъ свѣтломъ срѣбнолицого мѣсяця, гнучка та струнка стать Ярославы. Ея дробныи нѣжки перебѣгли скоро, стежины цвѣтника, та направилися въ сторону, дрѣмучого саду, а тутъ звернули въ сторону лавочки, яка стояла по́дъ величавою чашею зеленыхъ вѣтвей та галузей вѣковой липы,

И-59572

~~И-541~~

Львѣв. Библиотека
АН УРСР

Чудно рисовалася стать красивой дѣвицѣ на лавочкѣ на темномъ тлѣ дремучихъ липъ, при сребрномъ свѣтлѣ мѣсяця. Та стать въ той вечеръ похожа была на богиню въ зеленѣмъ поганьскѣмъ святѣмъ гаю. Видно, що и самого сребролицого плѣнилъ той красивый видъ, бо его округле, спокойне лице, на ту пору кидало мовь бы нарочно сильнѣйше свое сребне свѣтло, щобы еще лучше освѣтити ту любу дѣвицю.

А тѣчасомъ въ самомъ селѣ любый, тихокрилый сочъ позамыкалъ изнуреннымъ людемъ ихъ повѣки. Всюда погасло свѣтло. Въ нарочной комнатѣ Любоміра Волича еще свѣтилося, онъ похиленный надъ столомъ, щось переглядалъ.

На-разъ изъ-за липъ сълѣщинового гуцака — цохъ, цохъ — и замолкло, а по хвилѣ по саду та широко по осадѣ понеслася любая, сердечная колысанка малого соловая, а тамъ съ другого кѣнца саду присоединился другій, та еще и третій; озвалися и другіи изъ гуцаковъ небесныи пѣвцѣ, а ихъ перешабающіи душу, чувствительныи, умилительныи голоса та трели совокупилися, слялися въ одинъ сложный звукъ, въ одну таку гармонійную мелодію, котора не то людске сердце, но прямо твердый камень порушила бы.

А тугъ въ ту вечернюю, сонную колысанку впеллся незамѣтно тихій, що разъ сильнѣйшій, милозвучный голосъ, который до ариі птичокъ, додалъ тоскливую, роздирающу душу думку Ярославы. То на любовный звукъ соловая и еи сердце забило, мовь бы збудилося, та вразъ съ птичками заспѣвало про любовь та надѣю.

А соловейки и не спохватилися, що въ ихъ арію тоскливую вплелася чужа, хотя подѣбно любовна и грустна думка. Не спохватилися и не перестали начату пѣсенку...

И полнолицый мѣсяць дивился та любовался...

По хвилѣ въ ту, мовь ангельская молитва милозвучну, гармонійну, тихую пѣсню вплелся новый, но уже изъ далека надплывшій мелодійный звукъ звонѣвъ, которыхъ добраны тоны и способъ ударенья сердець въ дороголитыи крысы, додали еще бѣльшого чару та красы той лѣтной ночи.

Быль то звукъ звонѣвъ съ монастырской церкви Пречистой Богородицѣ въ Жидачевѣ, яка возносилася на взгѣрю надъ срѣбноволнистою рѣкою Стрыемъ, который на той часъ широко розлялся изъ своего корыта. Жидачевъ быль тогда чисторусскимъ, городомъ славнымъ великими богатствами и своими четырьма величавыми церквами Вознесенскою, Богородичною, св. Креста и Свято-Николаевскою.

Точно о той порѣ ѣтзывалися що вечера монастырскіи звоны, щобы скликати до церкви на повечеріе монахѣвъ — розкиненыхъ по своихъ келіяхъ та своихъ молитвенныхъ уединеніяхъ по цѣлѣмъ взгѣрю надъ рѣкою. Сегодня звукъ тѣхъ дороголитыхъ звонѣвъ понѣсся далеко широко кругомъ середъ той погѣдной, лунной ночи, та даже обудиль до той нынѣшней общої молитвы сердца далеко ѣддаленыхъ, що можно было пѣзнати по тѣмъ, що въ кѣлька хвиль, якъ рознеслися звуки съ Свято-Богородичного, жи-

дачевского монастыря, озвались звуки такіжъ изъ цѣлкомъ противоположенныхъ сторонъ, ѡтъ Покиничъ съ полудня, та ѡтъ Пятничанъ.

Колись и въ нынѣшнихъ Покиничахъ былъ монастырь, ѡтъ него то село прибрало свою назву, мали тутъ быти румынскіи монахи, покутующі, отже и Покиничы означали мѣсто покаянія, а по монастырѣ св. Пятницъ осталася хиба сегодня назва пягничанъ, та маленькя, позабытая капличка въ лѣсѣ. И звоны тѣхъ монастырей та другихъ въ окрестности озвались съ зазывомъ къ общей, сердечной повечерной молитвѣ!

Охъ, Боже! Боже! Чи вернется намъ еще коли хотя одна така нѡчь на Галицкой Руси?... Чи вернется хотя призракъ той нашої минувшой славы?... Щось стискае за сердце... а якийсь зловѣщій голосъ пѡдшептуе тихо зболѣлому сердцю: „Не вернется... не вернется она!“... — Той злорадостный пѡдшептъ хоче вмовити въ насъ, що та славная наша минувшестъ на всегда про пала! Пропала..

...Якъ пропалъ давный, славный русскій Жидачевъ, якъ не остался ни слѣдъ по его богатыхъ церквахъ, по тѡмъ славнѡмъ монастырѣ, який красувался и пышался надъ срѣбноводнымъ, быстрымъ Стремемъ! По кающихся на молитвѣ и постѣ въ своемъ уединеніи Божихъ слугахъ осталось въ Жидачевѣ названіе мѣстця надъ рѣкою „запречисте“, та названія селъ Покиничы и Пятничаны въ дорозѣ до Стрыя.

Вправдѣ несеся и нынѣ звукъ звонѡвъ надъ тою просторою нашею жидачевскою землею, но якъ противный, якъ цѣлкомъ чужій той звукъ минувшиному!

То уже не той гармонійный, милозвучный спѣвъ соловеевъ, не повечерная молитва съ грудей давныхъ нашихъ монаховъ, посвятившихъ свою жизнь Богу, ни то звукъ съ богатого золота ни срѣбла литыхъ крысь монастырскихъ звонѣвъ, вкѣнцѣ не похожъ нынѣшній звукъ на звукъ давныхъ русскихъ звонѣвъ. Нынѣшній звукъ — то во ль отчаянія, безнадежности, то звукъ плачу и нарѣканья русской землицѣ-вдовицѣ и безталанныхъ ей людей-сиротъ! То ихъ молитва и плачь несется о лучшую долю потомковъ тѣхъ предковъ, которые передъ вѣками тутъ славно владѣли!

Якъ колись, такъ и нынѣ въ звукъ того моря нашего нарѣканья и стонѣвъ вплѣтается ѡтъ поры до поры — въ ту нашу пѣсню соловейну, пронзительный мовбы на глумъ та на перекѣръ тому нарѣканью веселый звукъ мазурки, польки или краковяка, роздающійся ѡтъ струнъ фортепьяна, вмѣшаеся шумъ банкетѣвъ, увеселеній та пырѣвъ съ ясноосвѣтленыхъ дворѣвъ та палатъ, а еще частѣйше вплѣтаеся въ море народного стона задоволене мурлыканье шабасного, жидѣвского „маюфеса“!

Та чи вернется, о Боже, коли давный рѣд-ный нашъ любый, родимый вечерный хоръ?!...

На первый звукъ жидачевскихъ звонѣвъ на ясно освѣтленѣмъ мѣсяцемъ зеленѣмъ тлѣ липъ порушилася бѣлая, гнучка стать Ярославы; видво было, якъ ей лѣва ручка спочила на груди, а права понеслася трижды на чело, груди та ра-

мена, осѣняючи ту красивую статью св. крестомъ, а коралевы усточка начали шепотомъ святую молитву въ той природной, изъ старинныхъ липъ, святынѣ.

Вкѣнцѣ все въ Божѣмъ свѣтѣ начало притихати, сонный ангелъ начиналъ свою власть. И Ярославъ пустился тихцемъ, по усыпаной пѣскомъ стежинѣ черезъ цвѣтникъ въ направленіи двора.

Въ томъ отъ правои стороны саду, съ помежи лѣщиногова гущака, указалася незамѣтно темная статья якогось человѣка, который проворно и тихо перебѣгъ въ поперекъ цвѣтникъ, та заступилъ Ярославъ дорогу.

Дѣвица задрожала. Она и не припускала, щобы кто смѣлъ вдертися до ихъ саду. Еще не успокоилася отъ перестраха, якъ той напастливый, непрошенный гѣсть вхопилъ ея дробну ручку, та обсыпалъ ея горячими поцѣлуями, а припавши до ея нѣжокъ началъ ихъ сердечно мовъ якій божевѣльникъ цѣловати.

— Ярославъ! Я тебе люблю!... — вырвался дрожащій мовъ листь осичины его голосъ. — Люблю тебе любовью, яка дѣлае мене твоимъ обожателемъ, невѣльникомъ, яка забрала менѣ весь супокѣй души та розвагу ума; люблю любовью такою, що чуюсь найсчастливѣйшимъ, а неразъ мовъ божевѣльнымъ!... Безъ тебе, дражайшая, нѣтъ менѣ життя. Та любовь роспирае мою грудь, давить мое сердце!...

Ярославъ! Одно твое словечко, а я найсчастливѣйшій! Озвися! Поглянь тѣмъ любезнымъ солодкимъ взоромъ, который стануль бы менѣ за успокоительный отвѣтъ.

Тутъ онъ всталъ, хотѣлъ опять взять и ущлувати еи дрѣбну ручку, но Ярослава, пѣзнавши передъ собою Яноша, вырвала ему свою руку и хотѣла утѣкати до дому.

Задержалъ еи, схвативши въ половину еи гнучку стать. — Не пущу тебе!... Одно словечко... Ярославъ.. —

Пусти мене! Кто видѣлъ вдиратися въ чужій двѣръ та о тѣй порѣ непокоити слабу женщину! Кто позволилъ тобѣ вѣйти сюда?! Оставь мене въ покою. — Прошу выйди сейчасъ! — сказала рѣзко и терпко Ярослава.

— Одно словечко! Ярослава! —

— Яношъ, пусти мене! А если хочешь, то одно слово, то я тобѣ откровенно кажу, що не люблю тебе!

Мовъ тяжкій ударъ, такъ въ первой хвилѣ оголомили тѣ послѣдніи слова Яноша Цуцыка. Его выблѣдле, безцвѣтне лице на хвильку еще бѣльше поблѣлло, щобы по короткой хвилѣ вспыхнути молнією гнѣва и злости. Ямки его великихъ очей забѣгли кровью, лице покраснѣло, а съ грудей вырвалися слова:

— Такъ! Ты не любишь мене!... Оно не новина для мене! Пильнувалъ я тебе добре, моя зоренька... Знаю, знаю, ты не любишь мене русска чорнобровка! Ты любишь, такъ... но того проклятого Святобора! Но полюбишь и мене, забудешь на свои глупости... Я научу тебе любити... и мовъ божевольный схватилъ еи гнучку стать, но въ той хвилѣ якісь, мовъ желѣзо крѣпкіи руки, схватили его нечаянно изъ заду и якъ дѣточею игрушкою кинули нимъ на землю, копнувши съ презрѣніемъ ногою.

— Отъ тобѣ напередъ наука, якъ розлю-

бити русску чорнобриву, ты мадьярскій цуцку! Наука тобѣ, щобы не ходити туда, куда тебе не просять!...

— Святоборъ! Ахъ то ты!... То вы — поправилася скоро Ярослава, не застановляючися даже, ѳтки взялися тѣ два молодые люди о той порѣ въ ихъ садѣ.

— Оно ничего Чи ты, чи тамъ вы... а даже то перше слово менѣ милѣйше, сказалъ Святоборъ, поклонившися Ярославѣ почтительно.

Но въ той хвили поваленный и копненый Яношъ, побачивши передъ собою ненавистного Святобора, сорвался на ровныи ноги, та ѳтъ своего боку вырвавши короткѣй мечъ, якѣй лише блиснулъ зловѣщо въ свѣтлѣ мѣсяця, замахнулъ нимъ на Святобора прямо въ грудь. Еслибы не присутствіе духа Ярославы, котора, Богъ вѣсть, ѳтки тогды набрала силы и выдерла ему съ рукъ смертоносное орудіе, Богъ знае, не повалилбыся тутъ у еи нѳгъ Святоборъ.

Спohватилъ Святоборъ, однимъ розмахомъ руки повалилъ опять Цуцку на землю, та хотѣлъ взяти мечъ съ рукъ Ярославы — но тутъ его розлючене око встрѣтилось съ умоляющимъ взглядомъ дѣвицѣ; ѳнъ понялъ, що она просить за тѣмъ ворогомъ, скоро нагнулся, мовъ яку пилочку пѳднѣсъ Яноша, постуцилъ съ нимъ кѳлька кроковъ въ сторону огорода сада, та перекинулъ нимъ за огороду. Не зважаючи на лютыи угрозы и проклятїя Яноша, повернулся въ сторону, где оставилъ Ярославу, но тутъ засталъ уже старого Любомїра Волича и его прислугу.

Ярослава стояла мовъ якая виновница, на ней спочилъ острый, суровый взѳръ батька, который хотѣлъ узнати, що тутъ произошло. та

якимъ чиномъ безъ его вѣдомости тѣ двое людей опинилися о той порѣ въ садѣ, и що дѣлае тутъ его дочь.

Непріятною для Святобора была та встрѣча съ Любоміромъ въ садѣ. Онъ понялъ той суровый, пытающій взоръ Волича, понялъ положенье Ярославы и свое, тому рѣшилъ я цѣлкомъ откровенно и широко розсказати ему все, якъ часто подѣздилъ онъ подъ его дворъ, щобы хотя изъ далека побачити Ярославу, которую всѣмъ сердцемъ полюбилъ, не маючи смѣлости ввѣритися своимъ чувствомъ ни передъ нею ни передъ Любоміромъ. Розсказаль, якъ кѣлька разѣвъ стрѣтилъ близь ихъ двора Яноша, который перепрашалъ его, що въ погонѣ за звѣриною загнался на ихъ сторону, хотя Святоборъ чогось другого догадовался и началъ его шоразъ уважнѣйше слѣдити.

Нынѣ, коли издалека изъ за ограды приглядался улюбленнѣйшому виду Ярославы, молящоися въ липнику, побачиль, якъ якійсь чоловікъ перелѣзъ ѳтъ стороны рѣки ограду саду, а гнѣвъ и лють зависти, яка овладѣла нимъ на видъ, що ктось посмѣлъ приближитися до его улюбленнѣйшой — ѳтобрала ему розвагу, онъ мовъ кѣтъ перелѣзъ остроколы, продерся черезъ гушакъ живоплота. Дальше созналь Святоборъ свою любовь, та мовъ мертва колода повалился у нѣгъ сивоволосого Любоміра, щобы не ѳтпыхаль его ѳтъ себе.

Еще Воличъ слухаль, въ задумѣ качаль головою, розважалъ каждое слово. Онъ любилъ молодого Гнѣздыча, хотѣлъ ѳтвѣтити, та не зналъ що, бо не зналъ, що дѣеся въ серденьку его найдорожшой красивой одиначки. Онъ

хотѣлъ открыти дрожащі уста, чтобы еѣ спросити, коли передъ собою побачилъ уже стоящую на колѣнахъ побѣчь Святобора Ярославу съ молящимъ взоромъ.

А мѣсяць, знающій многіи премногіи тайны молодятъ, выплинулъ величаво въ ту пору изъ за облака и чудно освѣтилъ тѣхъ двое голу-бятъ у нѣгъ батька.

Поглянулъ Любоміръ Воличь... покивалась старенька голова, закрутилось щось въ очахъ, та уже не пыталъ, не спрашивалъ ничего... его дрожаща рука протяглася въ молчаніи надъ ихъ головами, поблагословила ихъ, а дрожащіи уста уцѣлували сердечно и щиро обое молодята въ чело.

Была то хвиля наибольшой радости и счастья для молодятъ, но радовался и благодарилъ Бога въ душѣ старый Любоміръ, що далъ таке сердце и такого молодця для его дражайшой одиначки.

Въ той хвилѣ пронѣсся по саду протяглый, жалостный съ первого просонья голось соловья. Защебеталъ, протягло запѣлъ и замолкнулъ. Но никто не зверталъ уваги на малого спѣвака.

Повернули всѣ до двора. Въ садѣ и цвѣтнику утихло. Всѣ рады, радый Любоміръ подвѣино, бо на власныи очи видѣлъ, якъ черезъ огороженье перелетѣлъ Яношъ, которого на самъ видъ не любилъ, бо въ его непевномъ лицѣ и поглядѣ видѣлъ полно лукавства и фальшу. Онъ ему всегда николи не довѣрялъ.

То тихе недовѣріе до Яноша произошло отъ того, що и отецъ Яноша былъ тутъ чужинцемъ, якій загнался туда, чтобы пановати въ его свободной, рѣдній землицѣ. Свои радости не

скрываль старенькій передь Святоборомъ, що далъ Яношу таку науку и ѳтправу ѳгъ его двора.

На другій день рознеслася по околицѣ вѣсть, що Яношъ Цуцыкъ оставиль свою посѣлѳсть на полномочника, а самъ кудато выѣхаль. Куда? Въ якіи стороны? Не зналь никто, даже полномочникъ Сказаль коротко, що колись — скорше или пѳзнѣйше — тутъ еще повернеся. Розказоваль полномочникъ, що такъ гнѣвного и розъяреного, якъ при выѣздѣ, не видѣль его николи.

И такъ выѣхаль Яношъ. Изчезъ изъ передь людскихъ очей. Для него тяжко зневаженного и обезчещенного, ѳткиненого и погордженого Яро-славою не было тутъ мѣстця. Выѣхаль въ Божій мѣръ съ болемъ въ сердцѣ та съ невысказаною ненавистію и жаждою страшливои мести въ груди, въ которой не выгасла надѣя, що колись може по трупахъ, по пожежахъ, по лютой мести надъ Святоборомъ Гнѣздычемъ посяде вкѳнциѣ Ярославу, ту горду и пышну русску красавицю.

Выѣхаль съ своей посѣлости, а его ненавистныи, блуждающіи очи съ блескомъ полнымъ лютой ненависти поглянули въ послѣдній разъ въ сторону простирающейся за рѣкою осады Гнѣзда, а руки мовчки стиснулися до угрозы.

Отъ тои памятнои, лѣтнѣи noci въ садѣ Волича минуло кѳлька лѣтъ, а за то время много тутъ змѣнилось. Старый Любомѣръ Воличъ еще бѳльше постарѣлся. Пѳдъ его двѳръ не пѳдѣзжалъ теперъ украдкою ни Яношъ Цуцыкъ, ни Святоборъ Гнѣздычъ. За Яношомъ затерся всякій слѣдъ, мало кто и вспѳмнулъ про

него, а даже и самъ полномочникъ не зналъ, шо дѣся съ его властелиномъ. А Святоборъ отъ того часу, коли перекинулъ зайду-соперника черезъ остроколову огороду, въ кѣлька недѣль по томъ поблагословеный Любоміромъ, а повѣнчанный съ Ярославю старенькимъ иаостоятелемъ Святобородичного монастыря, замешкалъ на всегда на дворѣ Волича, въ дворѣ его подарилъ старый Гнѣздычъ, якъ бы оба тѣ имѣнія сполучилися въ одно.

Святоборъ и Ярослава любилися сердечно; трудно бы найти подобну имъ пару. Житъе ихъ плило имъ въ мирѣ и супокою, а за тѣхъ кѣлька лѣтъ сожитія поблагословилъ ихъ Господь Богъ двоима дѣточками, старшимъ хлопчикомъ, котрого наименовали славянскимъ именемъ Руславъ, и молодшею дѣвчинкою Гнѣздыславою.

Руславу кѣнчился уже четвертый рѣкъ, Гнѣздыславъ третій. Руславъ былъ крѣпкій, си-неокій, мозъ двѣ каплѣ воды подобный до Святобора, а маленька Гнѣздыслава, годомъ молодша отъ брата, дрѣбнѣйша отъ него, но струнка, нѣжна и цѣлымъ выгладомъ подобна до матери. Обое дѣти уже говорили и своимъ любимъ щебетомъ веселили старенькихъ дѣдѣвъ, Гнѣздыча и Волича, а родичи съ невымовною радостью гордились ними. Коли въ недѣлю или свято Святоборъ съ женою поспѣшали до церкви, то собранный на майданѣ передъ церковью народъ не мѣгъ оторвати очей та налюбуватися тою паркою красивыхъ дѣточокъ, які побравшия съ собою за ручки спѣшили передъ родителями до Божои святыни.

Но еше краснѣйшій былъ видъ, коли неразъ Ярослава, взявши обоихъ дѣтей вела ихъ на

усыпану недалеко ѿ церкви могилку, пѡдъ великій дубовый крестъ, посередъ четьрохъ липъ, где тѣ дѣти складали свои рученята и за матерью повтаряли молитву. Случалосѧ, що неразъ Ярославъ погружена въ щирой молитвѣ и не замѣтила, якъ дѣти высунулися съ пѡдъ еи опѣки, та весело бавилися въ тѣни тѣхъ старыхъ розлогихъ липъ на зеленой дерни.

Тѣ хвилѣ забавы, той дубовый высокій крестъ, та могилка въ тѣни крѣслатыхъ липъ, той видъ стоящей на колѣнахъ матери запечатлѣлся сильно въ молодой памяти дѣтей.

Были то лѣта владѣнія на Галицкой Руси славного нашего галицко-володимірскаго, пѡзнѣйше и кіевскаго князя Данила Романовича, котораго дѣятельность и слава извѣстна всѣмъ историкамъ свѣта и которому нѣтъ рѡвнаго князя въ исторіи нашего краю.

Въ славныхъ, тяжкихъ борьбахъ та вѡйнахъ съ Мадьярами, Поляками, съ спесивымъ галицкимъ боярствомъ, которое подстрекаемое Мадьярами и другими сосѣдами бунтовалосѧ противъ князя, вконцѣ основываніемъ горѡдѡвъ и мудрымъ правленіемъ приспорилъ собѣ всемірную славу, такъ що даже самъ папа римскій Иннокентій прислалъ ему золоту корону и назвалъ его найсвѣтлѣйшимъ королемъ Руси.

Князь Данило собиралъ русскіи земли, та ширилъ ихъ предѣлы. Вѣрно стояли при князю володимірскіи бояре. Въ продолженіе 20 лѣтъ Данило держалъ въ своихъ рукахъ Володимірску, Луцку, Берестейску, Белзску, Холмску та Перемышльскую землю вмѣстѣ съ княжествомъ

Галицкимъ. Отъ 1235 до 1239 пока Татары не розорили его державы, благопріятствовало ему счастье. Гонимый жаждою славы, воевалъ онъ нѣмецкихъ рыцарей ордена крестоносцевъ, противъ которыхъ шелъ съ помощью польскому королю, Кондрату Мазовецкому. Ходилъ походомъ на Ятвягъ; былъ въ пріязни съ Литовскимъ княземъ Миндовгомъ, а вмѣстѣ съ своимъ братомъ, княземъ Василькомъ, былъ при коронаціи угорского короля Беллы.

Было то осѣннымъ вечеромъ 1240 года Святоборъ и Ярослава сидѣли въ просторой комнатѣ воличского дворца вразъ съ старыми Гнѣздычемъ и Воличемъ. При русскѣмъ солодкѣмъ медку, що ино вынесенѣмъ съ пивницѣ, старый Гнѣздычъ розказовалъ имъ цѣкавыи рѣчи съ молодыхъ своихъ лѣтъ; а бывалый то былъ человекъ, бо яко свободный огнищанинъ и бояринъ ходилъ не въ одинъ военный походъ съ своими Галицкими князями, которымъ подлягала вмѣстѣ съ стрійскою и жидачевская земля.

Звернулася рѣчь и про Святобогородичный монастырь въ Жидачевѣ, та тутъ вмѣшался старенькій Воличъ, та поддалъ мысль, що выпадалобы на зиму заосмотрити монастырскихъ отцевъ въ всякіи припасы.

Подхватилъ ту гадку тестя Святоборъ и совѣтовалъ на дняхъ сдѣлати великіи ловы, та убиту дичину выслати въ монастырь, чтобы было мясо для монастыря на зиму, и прилагодити для него крупы, пшено, муку. Не докѣнчилъ еще начатыхъ слѣвъ, якъ отъ стороны отворенымъ окномъ сталь доходити знакомый намъ голосъ монастырскихъ дзвонѣвъ.

— Отъ про волка промолвка, а волкъ уже и тутъ! — сказалъ Гнѣздычъ, цѣкаво обернувши, покрыту сѣдыною голову въ сторону ѡкна.

— Пригадали мы собѣ про монастырь, щобы принести яку жертву отшельникамъ и во уединеніи сущимъ, Божіимъ угодникамъ, щобы поминали колись по нашей смерти наши души, бо съ вами, свате Воличъ, ближе къ преставльшимся отцамъ, а тутъ и голосъ ихъ звоновъ..

А колоколы гудѣли дальше, а голосъ ихъ плыль и плыль свободно въ воздухъ.

— Но шо дѣся тамъ въ Жидачевѣ? Чого звонятъ тамъ о той порѣ? Вѣдь и вечерня минула и на повечеріе не звонятъ о той порѣ.. И во всѣ звоны наразъ ударили, та и не замолкають они.. Бьютъ звоны, та бьютъ или на тревогу или въ привѣтствіе. —

Святоборъ повсталъ, приблизился до ѡкна и за хвильку вслухался. На лицяхъ всѣхъ ѡтбивалося занепокоенье. На дворѣ было темно, ничего окомъ не доглянулъ бы, бо осѣнна была пора и новъ на небѣ, а вкѡнцѣ и лѣсъ и гущаки, якихъ полно было на то время въ нашихъ стонахъ.

Всѣ занепокоилися. Урвалася весела до теперъ бесѣда, забыли и про медокъ.

— Иване! Иване! — крикнулъ крѣпкимъ голосомъ Святоборъ черезъ ѡкно въ сторону где стояли будынки для прислуги, плеснувши въ долони, а то плесненье, яке роздалося по странномъ подвѣрью, дало пѡзнати, якъ небезпечно былобъ попасти въ тѣ руки середъ гнѣва.

На кличъ и то плесканье, мовбы изъ пѡдъ земли выскочилъ завозванный Иванъ. Былъ то середнихъ лѣтъ человекъ, рослый, высокій о

половину головы перейшовшій Святобора, о високѣмъ разумнѣмъ челѣ, та мудрыхъ очахъ, съ выраженіемъ лица, свидѣтельствовавшимъ о честности и правотѣ его.

— Що повелить ваша милость? — спросилъ коротко. Иванъ былъ неѣтступнымъ служащимъ, а радше неѣтступнымъ другомъ молодого Святобора. Походилъ изъ свободныхъ малоземельныхъ огнищанъ, взятый былъ сиротою старымъ Гнѣздычемъ, щобы былъ всегда при малѣмъ Святоборѣ, съ нимъ выросъ, та къ нему привязался. Святоборъ бралъ его съ собою на ловы, въ поѣздки, употреблялъ до важнѣйшихъ посылокъ, а тогъ изъ всего вывязовался совѣстно и умно.

Знали о его вѣрности и справотѣ обѣ Гнѣздычи. — Иване! Досѣдай „Воронку“ и куда ближе, но уважай, щобы при темнотѣ где не запропаститися и спѣши до Жидачева; довѣдайся, що происходитъ въ святобогородичнѣмъ монастырѣ. Торопись!

Не докѣнчилъ еще добре послѣднихъ слѣвъ, а Иванъ мовбы пѣдъ землю сховался. Въ кѣлькахъ хвиль почувлося парсканье та ѣтгомѣнь копытъ „Воронки“, улюбленой кобылы Святобора, котору прозвалъ такъ ѣтгъ ей вороно-чорной масти. Иванъ поѣхалъ черезъ густой лѣсъ, понадъ надводныи ѣчереты, куда зналъ, хотя тамъ не было ни дороги, ни стежки. Ѡтъ поры до поры въ темнотѣ слышно было тѣлько плюскѣ переходимыхъ „Воронкою“ моклакѣвъ та потчкѣвъ. Иванъ поспѣшалъ въ сторону головной дороги, а добившиися до ней, погнался мовъ вѣть до Жидачева.

Страшными и тяжкими были лѣта ътъ 1230 до 1240 и слѣдующіи для всей пространной русской земли. Межи самыми русскими князьями роздоры, несогласіе, и братоубійственныи борьбы. Одинъ другому ътбираль его княжескій удѣль, одинъ другого прогоняль съ престола, а густо-часто кликали противъ себе самыхъ чужихъ владѣтелей, якъ польскихъ, угорскихъ, литовскихъ королѣвъ и князей съ ихъ войсками.

Правду-матку каже пословица: „согласіе будуе, несогласіе руйнуе“. Такъ и зруйнувала незгода нашу землию, бо несогласіе нашихъ князей осмѣлило чужіи державы нападати та забирати наши земли. А на останокъ мовьбы Божою карою за ту братоубійственну борьбу, за всѣ тѣ незгоды и ненависть между рѡднею послѣдувала на Русь еще страшнѣйша и лютѣйша кара, бо въ тѣхъ лѣтахъ загналися на русскіи край дикіи татарскіи орды съ глубокою Азіи,

Въ другой половинѣ 12 столѣтія соединилися въ Азіи надъ рѣкою Амуромъ и надъ Байкаломъ озеромъ всѣ тамошни дикіи монгольскіи племена; а первый который соединилъ всѣ тѣ дикіи, татарскіи племена былъ Темуджинъ Чингисъ-ханъ. Онъ покорилъ пѡдъ свою власть всѣ племена сѣверной Азіи, даже самъ китайскій царь узналъ его верховенство; онъ побѣдилъ и покорилъ пѡдъ свою власть тоже и перску державу.

Такъ соединеныи и вскрѣпленыи Татары напали въ 1223. р. великою сілою на сусѣдующихъ съ русскими землями Половцевъ и разбили ихъ цѣлковито. Половцы бѣжали въ земли русскихъ князей, а половецкій верховный ханъ, Котянъ бѣжалъ до Галича, до галицкого князя Мстислава Удалого, своего зятя. Тутъ описаль

Котянъ своему зятю страшныхъ Татарѡвъ и опасность, яка въ будущности грозитъ русскимъ землямъ.

На просьбу галицкаго Мстислава Удалого собралися всѣ русскіи князи въ Кіевѣ и тамъ „бывшу совѣту всѣхъ князей въ градѣ Кіевѣ“, рѣшилися всѣ вспомоными силами ударити вразъ съ Половцями на Татарѡвъ и разъ на всегда сломити и зничати грозяче Руси небезпеченство.

Величавый былъ то видъ, коли весною 1224. г. изъ пространной обширной русской земли собралася русская рать. Полки большинства князей поспѣшили до сборнаго мѣстца надъ сребрянолентымъ Днѣпромъ. Были тамъ подъ своими князями и прапорами волынскіи, черниговскіи сѣверо-новгородскіи, кіевскіи и галицкіи полки, а самыи галицкіи полки приплыли на 1000 лодяхъ по Днѣстру и Чорнымъ моремъ, въ гору Днѣпромъ до острова Хортицѣ.

Для того великаго всенароднаго дѣла не ѡтказали своей радои помочи Володимірска-Суздальскіи князи съ русского сѣвера, но ихъ полки задля далекости не приспѣли на часъ. Всѣ южно-русскіи полки пустилися степами и надъ рѣкою Калкою встрѣтились съ дикими татарскими полчищами.

Яко головной военачальникъ доводилъ всѣми войсками великій князь кіевскій Мстиславъ и его начальству та приказамъ должны были подчинитися всѣ русскіи князи. Однакъ и тутъ въ той рѣшительной, найважнѣйшой хвилѣ, выступилъ на верхъ ѡтъ давна засѣянный между русскими дѣвольскій посѣвъ незгоды и зависти. Коли нужно было наибольшой едности и соединенія силъ, тогда галицкій князь, такожь име-

немъ Мстиславъ, прозванный Удалымъ, позавидовалъ славы Мстиславу Кіевскому и мѣсто съ нимъ порозумѣтися, обдумати одинъ плянь, та разомъ вспѣльно ударити на татарскіи полки, вырвался съ своими галицкими полками напередъ, та ударилъ на Татарѡвъ. Князь Мстиславъ кіевскій, яко военачальникъ не зналъ ничего о тѡмъ, та не ударилъ рѡвночасно на ворога съ всѣми вѣйсками съ другой стороны.

Переважаючи силою Татары розбили полки Мстислава, окружили русскіи войска, а що при тѡмъ и стрѣлы татарскіи несли дальше ѡтъ русскихъ, то хотя наши князи, бояре и воины боролися, не страшась смерти съ хоробростію героевъ, Татары побѣдили.

Полилася струями теплая, русская кровця. Князь Данило былъ тяжко раненый, его братъ Василько, сверженный съ коня, та приваленый былъ тягаремъ коня та стосами людскихъ трупѡвъ; много русскихъ князей погибло. Цѣле широке поле надъ Калкою обагрене людскою кровью, покрыли густо трупы Русскихъ съ надъ Днѣпра, Сяна, Прута, Буга и Стрыя въ братскихъ смертельныхъ обнятіяхъ.

Князи, Мстиславъ Луцкій, оба Романовичи, то есть Данило и Василько и князь галицкій, Мстиславъ Удалый, спасли себе бѣгствомъ. Начального вождя всѣхъ силъ, великого кіевскаго князя, Мстислава, приневолили Татары сдатися и задусили его вразъ съ его зятями пѡдъ дошками, на которыхъ устроили себѣ пиръ (учту). Такъ то велике, святе дѣло охороны русскихъ земель не вѣнчалося успѣхомъ. Согласія не было, знищилъ Русинѡвъ власный роздоръ, братняя зависть, а доби́ли ихъ Татары! Не помогла

ни храбрѣсть, ни вѣрнѣсть ни самопожертво-
нѣе русскихъ воинѣвъ-героевъ!

Теперь наши земли стояли открыты передъ
Татарами. Бѣльша часть воинѣвъ лягла головою на
поляхъ надъ Калкою, много князей погибло,
другіи середъ переполоха поутѣкали, не было
кому боронити тѣхъ земель, не было кому про-
тивостати татарскому насилію! Однакъ видно, що
Господь умилосердился надъ тою несчастною
землицею, бо не знати, съ якои причины Татары
вернули въ свои дикіи степи мовбы пѣдъ землю
запалися а русскій лѣтописецъ каже о нихъ:
„сихъ же злыхъ Татаръ Таурмень не свѣдаемъ
откуда были пришли на насъ и гдѣ ся дѣли
опять, но токмо Богъ вѣсть“.

Однакъ Татары не пропали на всегда. Убѣ-
гли они въ степи Азіи, щобы за кѣлька лѣтъ
еще съ бѣльшою силою и безпощадностію уда-
рити на русскіи земли.

Уже внукъ Темутшина Чингисхана, Батый,
ханъ Золотои Орды, пустился въ 1239 г. съ сво-
ими полчищами на западъ въ Европу, опусто-
шилъ сѣверну Русь, прозвану пѣзнѣйше москов-
скою и еѣ князей поддалъ своей власти.

Въ злопамятнѣмъ 1240. роцѣ двинулся Ба-
тый съ своими страшными, дикими полчищами на
южную Русь, бо та лежачи мовбы на границѣ ме-
жду Азіею а Европою, становила первую стѣну за-
щищающую Европу и цѣлый христіанскій миръ пе-
редъ дикими наѣздами, Богъ одинъ знае, що бы-
лобы, еслибы передъ Европою не лежали рус-
скіи земли, которыи славились неустрашимыми
своими борцами, которыхъ цвѣтъ падалъ первый
за каждыи наѣздомъ ѣтъ кривыхъ, смертонос-
ныхъ татарскихъ а позднѣйше турецкихъ шабель.

Если бы не тѣ русскіи груди, выставявшіи себе напередъ на татарскіи стрѣлы, а пѳзнѣйше на турецко-бисурманскіи кули, то Богъ знае, чи татарская дичь не залялабы цѣлои Европы. Одинъ Богъ знае, чи въ всей Европѣ надъ св. Крестомъ не засіялбы турецкій полумѣсяцъ ?!

А такъ при всѣхъ наѣздахъ ломилася татарская а потомъ турецкая сила напередъ о русскую грудь. Видно що недаромъ наша земля одна съ помежи земель свѣта заслужила собѣ на названіе „Святои Руси“! Она по истинѣ и справедливости должна зватися первымъ муромъ и огородою Христіанства,

Князь Данило, который ѳтъ битвы надъ Калкою, соединилъ въ своихъ рукахъ много русскихъ земель, побачивши яка судьба встрѣтила сѣверорусскихъ князей, предчувствовалъ, що Батый ханъ не оставитъ въ супокою его земель, тому оставилъ въ Кіевѣ вѣрного своего воеводу Димитрія, а по прочихъ городахъ якъ въ Галичѣ, Володимірѣ и другихъ городахъ преданныхъ себѣ воеводъ, а самъ пустился въ дорогу на Угры, до угорского короля, Беллѣ, що бы представити ему цѣлу опасность, яка грозитъ Угорщинѣ, на случай если Батый здобуде Кіевъ и Галичину.

На небѣ было уже пѳздная пора, Въ гнѣздовскомъ дворѣ всѣ уже давно спали, даже Ярослав, поклавши дѣтей ложилася спати въ своей комнатѣ. Зацѣкавили и еѣ жидачевскіи звоны, однакъ не предчувствующи ничего грозного, удалася она на спочинокъ.

Одни мушины, оба старики и Святоборъ та бояре сидѣли въ ясноосвѣтленной комнатѣ, ожидаючи съ нетерпѣніемъ Ивана съ вѣстею. Може въ двѣ неполна години долетѣлъ издалека до комнаты Ѡтгомонъ кѡньскихъ копытъ, который середъ нѡчной тишины роздался ширско.

— То навѣрно Иванъ несе вѣсть, — заговорилъ горячково Святоборъ и неожиданно отвѣта, торопливо выбѣгъ съ комнаты.

— То ты, Иванъ? — спыталъ задержавшогося передъ брамою ѣздока.

— Такъ, я господинъ! — былъ короткій отвѣтъ, и ѣздокъ на измученой, прямо мокрой „Воронцѣ“, которой съ морлы опадала густа пѣна, зѡскочилъ передъ самымъ Святоборомъ. При блѣдѡмъ свѣтлѣ, яке падало съ комнаты, можна было замѣтити, що Иванъ не ж ловальъ ни себе ни коня и що спѣшилъ съ вѣстею що кѡнь выскочить. Его и такъ грозное лице, потяглося еще грознѣйше а брови насунулися.

— „И щожь тамъ нового въ Ж дачевѣ“? —

— Бѣда и гроза на насъ приближаеся! — отвѣтилъ Иванъ коротко; но много говорящимъ голосомъ.

Въ одной хвилѣ лице Святобора занепокоилося. Малый, въ мить подбѣгшій конюшій взялъ спѣненую „Воронку“ въ конюшню, а Святоборъ съ Иваномъ прямо вбѣгли въ комнату, въ которой съ нетерпѣніемъ ожидали ихъ Воличъ и Гнѣздычъ.

— „Що? Що тамъ нового? Кажи скоро“! —
— Чого вы такі переполоханы? — озвался майже рѡвночасно Гнѣздычъ, окружаючи съ Воlichemъ Ивана.

— Бѣда! Несчастье! Татары страшною силою загналися на русску землю, — сказалъ Иванъ, отираючи рукою пѣтъ съ чела. Сегодня нашъ любезнѣйшій кievскій и галицкій князь Данило заѣхалъ въ наши стороны. Его то витали нащи монастырскіи звоны. Но не радостный той его пріѣздъ. Князь вразъ съ кѣлькомъ боярами спѣшитъ на Угры, просити помочи противъ Татарѣвъ. Розказовали бояре, що отъ—отъ каждой хвилѣ готовы татарскіи загоны загнатися и на Червоную Русь!... Князь же намъ всѣмъ повелѣлъ быти готовыми до обороны, собрати вооруженныхъ людей, а вамъ, бояринъ Святоборъ, поспѣшити съ вооружеными воинами до Жидачева!

Въ боярскѣмъ домѣ въ Гнѣздѣ тои ночи никто не зналъ супочинку. Про покрѣпляющій сонъ никто и не погадалъ. Оба старенькіи съ Святоборомъ и Иваномъ, котрого яко во все повѣренного, допустили до укладаемыхъ ними плянѣвъ, сидѣли еще долго въ ночи и обдумовали всякіи способы обороны на случай татарского наѣзда. Вѣрный Иванъ поспѣшилъ съ полуночи въ село, щобы всей вольной дружинѣ, всѣмъ свободнымъ огнищанамъ наказати, щобы скоро начне днѣти, были всѣ готовыми и щобы въ полномъ вооруженію и готовности до похода съ первыми лучами солнца ожидали на передцерковномъ майданѣ на дальши приказы Святобора.

Тяжелая и жалка была сцена въ дворѣ Волича, коли Ярослава довѣдалася, що за кѣлька годинъ розстанеся съ мужемъ, а лишится сама съ старенькимъ отцемъ и дрѣбными дѣтьми, бо ей мужъ и отецъ дѣтей, яко вѣрный бояринъ спѣшитъ исполнити волю князя, боронити рѣдну землю, защищати родину передъ татарскимъ на-

бѣгомъ Камѣнь тяжкою журбы придавилъ еѣ нѣжне сердце, въ ей умѣ стануль страшливый образъ пораженъ надъ Калкою, про яке чували много страшныхъ розказовъ.

Дуже умилительнымъ было прашаніе въ воличскомъ дворѣ; полялися рясныи слезы розлуки, послышался душу переймающій плачь жены, за нею послѣдовали, не понимающіи еще хорошо тои страшнои хвилѣ дѣточки, даже старенькому Воличу, а еще бѣльше Гнѣздычу, который розлучился съ одинокою дитиною, слезы закрутилися въ очахъ.

Скоро первыи голоса птицъ озвалися съ просонья въ гущакахъ въ цѣлѣмъ селеніи мовбы кипѣло. Неспокѣй, крики, толкотня, ржанье коней, на улицѣ начали показовати ся ѣздоки на коняхъ и вооруженныи пѣшіи огнищане. Все спѣшило въ сторону церкви на майданъ.

Съ первыми лучами солнца зароилося на майданѣ. Помежи ѣздоками и пѣшими „выгонцями“ — такъ называлися въ ту пору галицкіи пѣшіи воины, навѣрно ѡтъ того тое названіе, що каждый господарскій загонъ или выгонъ былъ обовязаный дати одного пѣшого воина. Межи одними и другими крутилися заплаканы невѣсты, жены съ дѣтьми на рукахъ, старенькіи батьки, матери. А всѣ взаимно сердечно прашалися, розцѣловувалися.

Прикрый и болючій былъ то видѣ. коли на кличь дѣтей на плачь жены воинъ, о грозной стати, о рыцарскѣмъ видѣ поважного лица, зѣскакуваль съ коня, цѣлуваль, обнималъ жену, дѣти, старенькихъ родичей, родину, а по грозномъ лицѣ тихцемъ покотилася не одна слеза. И не дивота! Онъ прашалъ може въ послѣдній разъ дѣти, жену, родину. Оставлялъ ихъ, но чи

съ поворотомъ узрить ихъ, чи они побачуть еще коли его живымъ, чи не останутся они сиротами, вдовицею — на тое тяжко было отвѣтити...

По хвилѣ по толпѣ розошелся сильный шумъ, очи всѣхъ звернулися въ сторону дорѣжки ѡтъ боярскаго двора. Ъздоки выскочили на конѣ, выгонцѣ выстроилися въ рядъ... На знаной „Воронцѣ“ надѣхалъ бояринъ Святоборъ, въ повозцѣ Ярослава съ дѣтьми, Воличъ и Гнѣздычъ ѣхали съ Святоборомъ на коняхъ. Собрана въ ряды дружина ѡтдала честь боярству. Всѣ поспѣшили до церковицѣ, щобы поручитися Богу въ такъ важной хвилѣ.

Не было тутъ тогда постоянного священника, той доѣзжалъ на свята, въ недѣлю или въ потребѣ съ жидачевскаго монастыря.

По горячей молитвѣ все высыпалось на майданъ.

— Дражайшии мои огнищане и односельчане! Дражайшая вѣрна моя дружина! — Озвался такъ дрожащими словами старый Гнѣздычъ. — Святый домъ и обовязокъ службы отчинѣ и князю взывае нашихъ батькѡвъ, мужей и сынѡвъ, взывае тебе вѣрная, русская дружина! Долгъ то великій а дѣло святе! Вы спѣшите на поле брани, спѣшите боронити свои родины, своего князя и отчество передъ Татарами, тѣмъ страшнымъ, лютымъ ворогомъ, который пролялъ уже потоки невинной русской крови! Спѣшѣтъ доблестныи наши соколята! Спѣшѣтъ за Русь-Матерь Святую! Мы всѣ тутъ молитися будемъ, щобы Вы при помощи Всевышняго, пѡдъ покровомъ Жидачевской иконы Богоматери и пѡдъ оѣне иемъ Креста святото, побѣдили вражихъ-супостатовъ,

та въ вѣнцѣ славы и чести возвратилися здоровы на свои загоны... Святоборъ, сыну дражайшій, иди въ бой за русскую матеръ, вертай въ славу и чести, сражайся бодро и вѣрно за св. Русь..

Не докѣнчилъ старецъ, слеза и ѡтцѣвскій жаль задавили дальшіи слова въ груди. Такъ прашалъ свою дружину, своего сына единородного русскій отецъ бояринъ.

— Мы съ сватомъ старенькіи останемося тутъ и съ горсткою воинѡвъ будемъ стерегчи вашихъ матерей, невѣсть, дѣтей, вашихъ хозяйствъ и имуществъ. Най васъ Всевышній благословить, крѣпитъ и возвратить!... сказалъ Гнѣздычъ, осѣняючи собранну дружину крестнымъ знаменемъ.

Выступилъ Святоборъ. Старикъ одинъ и другій зложили горячій поцѣлуй на его челѣ, а онъ уцѣловалъ ихъ руку. притиснулъ въ поелѣдній разъ Ярославу и дѣтей до своихъ широкихъ грудей, уцѣловалъ долго-сердечно, скоро отеръ слезы въ очахъ и скочилъ на Воронку. Трубачъ загралъ въ рѡгъ всѣ за Святоборомъ двинулись въ дорогу... Въ толпѣ страшный плачъ и голосне прашаніе дражайшихъ сердець, понеслося имъ тихое благословеніе въ дорогу, по которой дружина щоразъ дальше и дальше ѡтдалювалася, вкѣнци исчезла на закрутѣ за лѣсомъ...

Еще долго стоялъ собранный народъ, жены и дѣти; долго стояла и Ярослава съ сынкомъ и донечкою, вдивившия въ мочаніи въ до-рѡжку, на которой передъ хвилею видно было еѣ найдорожше сердце и тихо отерла слезу съ ока, та осѣнила ту дорогу крестомъ св. хотя на ней было уже пусто.

— Не поможе намъ тутъ стояти, боярыня! Бояринъ поспѣшилъ исполнити долгъ отечеству, — сказалъ до Ярославы вѣрный Иванъ, оставленный Святоборомъ, щобы имѣлъ въ опѣцѣ цѣлу родину. Слова Ивана, звернены къ Ярославѣ и довѣрчивое, полное привязанности лице обудили боярыню, мовьбы съ летаргичного сна.. Она встрепенулася, поглянула на вѣрного слугу, на всѣхъ вокругъ, та побравши дѣтей за ручки, поспѣшила на могилку пѣдъ крестъ въ тѣни величезныхъ крѣслатыхъ липъ.

Еи грудь привалила якаясь тяжка, мовь сонна змора, думка; сердце прилягло якесь неспокойное чувство! Тутъ пѣдъ крестомъ шукала успокоенія.

Того дня движеніе былъ въ Жидачевѣ. Довѣдавшись о прїѣздѣ князя Данила и о опасности, яка зависла надъ Русью, спѣшило туда доокрестне боярство съ своими воинами, щобы вѣрно станути при князю.

Тутъ самъ князь Данило далъ своимъ ратникамъ приказъ. Онъ велѣлъ имъ спѣшити до укрѣпленого города Галича, щобы на случай, если туда нападуть Татары, боронити то укрѣплене мѣстце и цѣлу галицкую землю. Еще того дня, по ѳтправленѣмъ Богослуженію въ Богородичнѣмъ монастырѣ ради упрошенія побѣды русскому оружію и по благословенію, удѣленомъ дрожачою рукою старого, срѣбноволосого игумена, поспѣшили ратники до Галича пѣдъ начальствомъ княжеского воеводы, а самъ князь Данило съ кѣлькама боярами — дружинниками уѣ-

халь въ сторону Стрыя, а ѳтти въ Карпатскіи горы на Сколье, Лавочне до Мункача на Угры.

Между боярами, якіи поспѣшили съ самымъ княземъ на Угры, былъ и Святоборъ, бо ѳнъ зналъ хорошо туда дорогу, а его дружина послаѣшила съ прочими до Галича.

Было то въ 1240 году — въ томъ страшномъ году, якій кровавыми буквами, моремъ пожежи и слезъ записался на страницахъ русской исторіи.

Коли Бату ханъ розгромилъ и розорилъ дикими полчищами Золотои Орды сѣверную Русь, тогда обратилъ ѳнъ свои смертоносныи полчища на южную Русь и пѳзною осенью, яка въ тѳмъ роцѣ отличалась погодою, передъ самымъ праздникомъ св. Николая приблизился пѳдъ златоверхій Кіевъ — ту Матерь русскихъ городѳвъ.

Переполошенныи жители утѣкали, оставляючи дома и все, въ лѣсы, мочары недоступныи мѣстця; другіи оставляли хаты, села, мѣсточка, угѣкали до Кіева, щобы тутъ за его крѣпкими валами и мурами шукати охороны. Они оставили все имѣніе, худобу, збѳже, хаты, утѣкали съ одною душою, съ родинами та дѣтьми, хотя и такъ мало кому удалось утечи. А горе тому кто попался въ татарскіи руки!

На своихъ малыхъ, вѣтроногихъ, степовцяхъ коняхъ, на которыхъ взрослые ѳтъ дитины, догоняли они каждого и для никого не знали милосеодія, ни пощады. Пѳдъ ихъ кривыми шаблюками котилися головы беззащитныхъ старцѳвъ обоого пола, падали головы мушинъ и

жѣнокъ-невѣсть, пересякала наша свята землица невинною кровью дѣтей-немовлять!

Кого не стяла крива шаблюка, кого не прошибла цѣльна, затроена стрѣла, той попадался въ еще страшнѣйшу неволю-ясырь, его шею стискала закинена на него татарская петля-арканъ, и здушеного, влекла за конемъ по сирой землѣ. Хагы, достатки, имѣніе, збѣжа, цѣлыи села и мѣсточка шли съ дымомъ, которого темныи, густыи клубы мовъ грозныи хмары заслоняли солнце, а ночью свѣтили тѣ згарища кривою луною, вѣтеръ гналъ хмары искорь пѣдъ небеса, а все то несло и ширило по всей Руси непонятный страхъ и переполохъ. На само уже слово „Татары“ кровь застигала въ жилахъ.

Безчисленны полчища на малыхъ, крѣпкихъ коняхъ, о дикихъ, жолтыхъ лицахъ, запалыхъ скѣсныхъ очахъ, плоскихъ носахъ, низкихъ чолахъ, въ великихъ баранячихъ шапкахъ, съ затроеными стрѣлами въ колчанѣ на плечахъ, а съ кривою шаблюкою та арканомъ-петлею въ руцѣ, поганяючи передъ собою безчисленныи стада всякои заграбленнои худобы и коней, съ тысячами повязаныхъ въ силѣ вѣку безборонныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣвчатъ, посувалися поволи, грозно, мовъ та чорна, предвѣщаюча страшну тучу и громы, хмара, пѣдъ головне мѣсто Кіевъ. Въ коротцѣ окружили тѣ полчища старинный, златоверхій Кіевъ изъ всѣхъ сторонъ.

Тупоть, и ржанье коней, рыкъ многихъ стада гнаной худобы, бляенье овецъ, скрипѣніе телѣгъ и возѣвъ, накликуванье, крикъ людей, а въ воздусѣ краканье зловѣщихъ чорныхъ воронъ и крукѣвъ, которыи летѣли за таборомъ, чуючи людску кровь и трупѣвъ, а при томъ туманы

взбытого въ воздухъ пороху и дыму, все то разомъ представляло переражающій видъ грозы, яка насувалася на Кіевъ. Говорять лѣтописи, що той шумъ и крикъ такъ наполняли воздухъ, що въ Кіевѣ на улицахъ люди одни другихъ не чули.

При западающемъ кроваво солнцѣ, передъ самымъ св. Николаемъ задержался на взгорью Кіевомъ самъ Батый и съ любопытствомъ, но при томъ съ кровожадностью и алчностью вдилялся долго въ прекрасный видъ богатого города, та его богатыхъ, многихъ церквей, якіи въ западающихъ лучахъ солнца блистѣли своими золотыми и срѣбными банями. Его сердце радувалося, що тутъ въ его руки попадется велика и пребогата добыча, а его ненасытна жажда рѣшилася за всяку цѣну, даже по стосахъ хотябы своихъ татарскихъ труповъ, здобути тотъ величавый богатый городъ

Раннымъ утромъ, съ пронзительнымъ крикомъ, кинулися первыи полчища на окопы та деревяныи стѣны города! Хмары затроеныхъ стрѣлъ засыпали воздухъ. Тутъ и тамъ поднеслия густыи купы та туманы душительного дыма. То Татары запалили найближшіи дома.

Въ Кіевѣ ужасъ—въ церквахъ служатся молебны, люди лежатъ крестомъ, бьютъ поклоны, сповѣдаются, мовьбы передъ кѣнцемъ свѣта готовилися на смерть. А другіи, все собране боярство и воины не уступали отъ стѣнъ. Неустрашимый, вѣрный, княжескій воевода, Димитрій, боролся якъ левъ, былъ всюда; давалъ приказы, загрѣваль, потѣшаль.

Наразъ крикъ, мовьбы всѣ чорты завыли, вярвавшись съ пекольныхъ воротъ. То середь

того адского крику, шума и свисту посыпались тысячи новыхъ стрѣлъ, а за ними кинулись новыи тысячи Татаровъ и вдерлися за дубовыи стѣны города, застеливши русскими трупами землю. По кѣлькахъ хвиляхъ съ такимже крикомъ ворвалися въ городъ и тутъ на его улицахъ рѣзали, убивали безошадно, що попало. Други съ крикомъ кинулися на дома и жилища, щобы ихъ рабовати, грабити и палити. Уже подступили подъ саму городску крѣпость, звавшуюся кремлемъ или дѣтинцемъ. Ту тяжше було здобути, но не долго она устоялася; по стосахъ своихъ и русскихъ труповъ ворвалися Татары въ крѣпость.

Кто еще жилъ, той по паденью послѣдней крѣпости утѣкалъ середъ зойковъ и плачовъ въ Богородичный величавый Соборъ, званный тоже „Десятиною“ церковью.

Была то одна изъ величавѣйшихъ кievскихъ церквей, воздвигнена по крещеніи Руси великимъ княземъ, св. Равноапостольнымъ Владиміромъ, прозвана „Десятинною“ отъ того, що на еи содержанье назначилъ князь Владиміръ годично десятую часть всѣхъ приходовъ. Тутъ въ томъ Богородичномъ Соборѣ, народъ биткомъ заполнилъ церковь, хоры и всякое мѣстце, где можно было ступити ногою. Наразъ роздался въ воздухъ пронизательный лоскотъ и трескъ, а за нимъ крикъ, плачь и стоны. Лопнули хоры, не выдержавши тягару, лопнули комары, т. е. своды, где тоже скрылися люди, погребаяючи живцемъ подъ своими грузами, спасши себе отъ тяжкихъ шабель жертвы. Мовъ кровожадныи тыгры, такъ вдерлися сейчасъ Татары въ завалившуюся Богородичную церковь и начали рѣ-

зати и убивати всѣхъ, що еще были при жизни. Мольбы, плачь о пощаду, о милосердіе — все то напрасно отбивалось о уши дикунѣвъ, мовь о нѣму, каменну стѣну.

Татары бродили въ невинной крови, рабуючи все; що не зрабували, то ишло съ дымомъ, кого не замордували, того вязали и забирали въ ясырь-неволю. На кѣлька миль вокругъ присвѣчувала въ ночи страшна луна горіющаго Кіева.

Неописанный переполохъ и страхъ понесся летомъ блискавицѣ по всей южной Руси. Кроважидный Бату-ханъ съ полчищами, ободренный и осмѣленный добытьемъ Кіева, своими почищами залилъ нашу Червонную Русь.

На самую вѣсть о приближающихся Татархъ, о ихъ жестокостяхъ, оставляли жители сель, мѣсточокъ и городѣвъ все, що мали а самы бѣжали въ лѣсы, горы та безвѣсти, хоронилися по недоступныхъ болотахъ, заросляхъ, трясавищахъ, закопавши въ землю свои дорожнности.

Бояре, военная дружина вразъ съ способными до вѣины людьми поспѣшили до укрѣпленныхъ городѣвъ, щобы отси изъ за ихъ стѣнъ защищатися. Цѣлыи села и города падали одни за другими жертвою Татарѣвъ, не устоялися даже укрѣпленные города. Въ руки Татарѣвъ попался Колодяжинъ на Подолію, Каменецъ, Володимиръ, Галичъ, Рогатинъ. Ихъ полчища приближались пѣдъ Жидачевъ и заняли цѣлу его околицю.

Всѣ жидачевскіи звоны ударили въ ужасну тревогу, мовьбы тѣ зловѣщии ангельскіи трубы передъ страшнымъ послѣднимъ судомъ! Понесся по воздухѣ запахъ згарищъ и людской, те-

плои крови. Поутѣкали жители окружныхъ жидачевскихъ сель, куда ихъ очи понесли, оставляючи все на произволь судьбы.

Скоро рознеслася вѣсть, шо Татары уже на Галицкой Руси — собралися въ воличскѣмъ дворѣ въ Гнѣздѣ бояринъ Гнѣздычъ, Воличъ и вѣрныи Иванъ въ нарожной комнатѣ на совѣтъ. Долго радили. Стало на томъ, шо мали чѣмъ-скорѣйше забрати худобу и все майно и утѣкати за рѣку Стрый на мѣстце густо поросле деревьями и лозиною, окружене изъ всѣхъ сторонъ очеретами та недоступными мѣстцами, глубокими трясавищами, порослыми тростникомъ и тамъ мали пребыти доти, доки не промине татарска язва.

Сейчасъ на другій день ѳтъ раннѣго утра занялся Иванъ исполненіемъ повзятого намѣренія. Жители переганяли вплавъ черезъ рѣку худобу, переносили на плечахъ добытокъ и все шо далося перенести. Худобу помѣщено въ лозинѣ, где середъ тои лозины, деревъ, корчевъ и слѣдъ по ней пропаль. Потому перенесено и перевезено всѣ дорогоцѣнности, церковныи звоны и всю утварь и все умѣщено въ наскорѣ поставленѣмъ будынку прямо надъ самымъ берегомъ найглубшого трясавища. Вкѣнцѣ переправилися туда всѣ жители Гнѣзда.

Старый Гнѣздычъ запретилъ якъ найострѣйше прямо пѣдъ карою смерти, чи то въ день, чи въ ночи класти огонь, шобы припадкомъ пѣднесшійся зъ очеретѣвъ дымъ не приманилъ туда Татарѣвъ. Даже худоба стояла въ наскорѣ обведенной огородѣ. Всѣ должны были соблюдать наибѣльше молчаніе и тишину и не удалитися ни крокомъ поза мѣстце укрытыя. Середъ тои тиши-

ны доходилъ туда страшный вой и битье на тревогу звонѣвъ изъ подальшихъ сель, переразливе, зловѣще краканье перелѣтающихъ стадъ гайвороня, тѣхъ чорыхъ неотступныхъ товарищей трупѣвъ и стерва! Дальше несся дикій крикъ, ревъ худобы, та иржанье коней и скрипъ возѣвъ приближающоися татарской орды.

Опять розлился звукъ прямо мовѣбы вопль и кличь о помѣчь жидачевскихъ звонѣвъ; били щоразъ тревожнѣйше и отчаяннѣйше, вкѣцѣ затихли. замерли! Быстре, соколье око Ивана показало молчки дугимъ въ очеретѣ въ сторону Жидачева, ѳтки стрѣлили въ небо и ѳтбились о пѣднесенни хмары страшни чорни клубы дыма На той ужасный видъ всѣмъ прямо заумерѣ ѳтдыхъ въ груди, якась смертна тревога выступила на блѣдны перестрашени лица. Понесся помежи зарѣчный шуваръ тихій зойкъ и плачь: — Горягъ Божии мѣстця! Рабуютъ ихъ певно дикии, святотатски и руки! Боже, Иисусе Христе! Пречистая Дѣво, спасѣй насъ! —

Пропалъ Жидачевъ. Пропала краса и богатство колишнѣго нашего славного мѣсточка! Изъ его красы, остались ту и тамъ окоптѣлыи розвалины. та лежали спалении грузы, Всѣ его святыни, домы, богатства пали жертвою грабежа. Вправдѣ много жителей поутѣкало, забравши передъ тѣмъ все, що могли захопити, убѣгли и монахи, забравши или закопавши въ землю церковныи дорогоцѣнности, но кто въ пору не убѣжалъ, того на грунтѣ и згарищахъ захопила люта смерть, или поволѣкъ арканъ за татарскимъ таборомъ.

Не пошадилъ Татары тутъ никого и ничего. Обрабували доокрестныи села, чога не могли за-

брати, то пустили съ дымомъ. И поспѣшали дальше мовь ураганъ!

Обрабувавши тѣ стороны, половина татарской орды пустилася дальше на западъ, другая рѣшила звернуться на полудне т. е. черезъ Карпаты на Угры. Однакъ дороги на Угры помежи горы Татары добре не знали. Тому уже за Жидачевомъ недалеко остановилися. Начальникъ татарскій велѣлъ межи плѣнниками найти человѣка, котрый зналбы добре тѣ стороны и перевелъ ихъ черезъ карпатскіи горы. Долго не пришлось шукати. Помежи плѣнными людьми сголосоился человѣкъ, якій Богъ знае ѳтки и якимъ чиномъ попался въ ихъ плѣнь. Той чоловѣкъ заявилъ сейчасъ готовѳсть служити за проводника въ лѣхъ соронахъ и повести добре знакомою собѣ дорогою черезъ Карпаты.

Сейчасъ приведено сказаного чоловѣка передъ татарского вожця. Былъ то чоловѣкъ, съ якимъ читатели мали случайность познакомитися. Майже по кѳлькохъ лѣтахъ незмѣнилось его веснушками покрыте, выблѣдле, безцвѣтне лице, съ вѣчно неспокойными, фалшивыми очима, тойсамъ фарисейскій пѳдсмѣхъ на устахъ, тѳлько за тѣхъ кѳлька лѣтъ, ѳтколи мы его стратили съ очей, еще бѳльше постарѣлся и высохъ, а съ тымъ и цѣлый его выгядъ стался еще бѳльше противнымъ.

Былъ то Яношъ, прозванный мадыарскимъ Цуцыкомъ, котрого уважано за запропастившогося, якимъ способомъ попался въ татарскій ясырь, одному Богу извѣстно.

Певный себе, а даже съ якимсь нетаенымъ удовольствиѣмъ станулъ ѳнъ передъ начальникомъ въ наскорѣ середъ чистого поля уставле-

нѡмъ шатрѣ. Тамъ вокругъ вождя о дикѡмъ выгядѣ лица, была уже собрана татарская старшина. Тамто велися нарады, куда имъ ити, яку выбрати дорогу. Вождь грѡзнымъ поглядомъ своимъ въ лобѣ уккрытыхъ скѡсныхъ очей, змѣрилъ Яноша ѡтъ стѡпъ до головы. Тутъ Яношъ прирѣкъ повести татарскую орду, однакъ пѡдъ условіемъ, що передъ тѣмъ дадутъ ему невеличкій отрядъ Татарѡвъ, съ котрыми хоче напасти и пѡмститися на недалекѡмъ ѡтси селѣ.

— Тѡлько всего желаешь? Исполню твою волю; — отвѣтилъ вождь татарскій. Однакъ памятай, если гадаешь о якѡмъ коварствѣ, то наилучѣйшу смерть на тебе вынайду! А будешь вѣрнымъ, такъ всякое прошенье исполнимъ, богатствами обсыплемъ, та славы и чести между нами заживешь.

Передъ грѡзнымъ вождемъ, при татарской старшинѣ, поклялся Яношъ-измѣнникъ служить вѣрно хану. Урадованый вождь велѣлъ подати кумысъ, т. е. кисле кобыляче молоко, наилучшій татарскій присмакъ и разомъ запивали весело дружбу лютѣйшійи враги христіанскои земли и вѣры — дикіи Татары, та измѣнникъ запродавецъ Яношъ, Цуцыкъ мадыарскій!

Долго еще сидѣла татарская старшина при кумысѣ вразъ съ Янушомъ — забавлялися весело и радили. Яношъ розсказывалъ имъ про наши стороны и куда иде дорога въ Венгрію и въ Польшу.

Хотя Татары знищили уже и зрабували доокрестныи села, хотя ихъ загоны не минули и Гнѣзда, та заставши тамъ пусто и ни живои души, пустили изъ злости все съ дымомъ и оба дворы и церковцю, то однакъ на другій день по

тѣмъ, якъ Яношъ ѳтдался имъ въ службу, часть татарскаго ѳтдѣла выѣхала съ того мѣстця, где были наряды съ Яношомъ. Переказуютъ люди, що нынѣшне село Турады одержало свое названіе ѳтъ того, що на томъ мѣстцѣ рады были. Съ того то мѣстця пустилася та часть Татарѳвъ пѳдъ проводомъ уже самаго Януша назадъ на рабунокъ Гнѣзда.

Той татарскій отрядъ роздѣлилъ измѣнникъ на двѣ части; первую выслалъ чѣмъскорше черезъ Жидачевъ на село Гнѣздо, чтобы тамъ укрылися въ лѣсѣ надъ рѣкою та замкнули выполошенымъ жителямъ съ зарѣчныхъ крыевокъ всякій ѳтворотъ и спасеніе. Другу ихъ часть онъ повелъ ѳтъ мѣстця наряды т. е. съ нынѣшнихъ Турадъ въ сторону, где сегодня село Волиця Гнѣздычевская, т. е. где давными вѣками были надрѣчныя гущавины, очереты, залитыя вокругъ водою, недоступныя трясавицѣ и багна.

Самы Татары не нашлибы николи способу пробратися въ тѣ мѣстця, середъ зарѣчныхъ гущавинъ и трясавищъ. Не легко пробрался бы туда даже ознакомленный съ тѣми сторонами и мѣстцями. Однакъ Татарѳвъ велъ Яношъ, недавный властителинъ имѣнія въ тѣхъ сторонахъ, который зналъ изъ частыхъ ловѳвъ ту мѣстность, а еще лучше еѣ пѳзналъ и запоматалъ съ тѣхъ щоденныхъ пѳдѣздокъ пѳдъ воличскій двѳръ, коли то влеченый сердцемъ, пѳдкрадался часто туда незамѣтно до рѣки, а черезъ неѣ пѳдъ гнѣздыцкій двѳръ Волича, чтобы побачити хотя издалека свою чорнооку Ярославу, та изъ укрытѣя налюбуватися видомъ тои красавицы. О, блукался онъ неразъ по тѣхъ необозримыхъ над-

рѣчныхъ мочарахъ цѣлыми днями. Тутъ запамяталъ онъ каждое мѣстце, прямо каждую деревину.

Колька лѣтъ уплынуло отъ поры — якъ онъ, презрѣнный и толкнутый гордою, пышною красавицею, копненный ногою, удареный и оскорбленный соперникомъ Святоборомъ — оставилъ тѣ стороны. Онъ поклялся тогда, що прійде колись пора, що поверне въ тѣ стороны, поверне подъ двѣрь Волича, щобы дѣстати ту чернооку красавицю, котру такъ полюбилъ и щобы страшно и тяжко помститися на сопернику за нанесену ему обиду! И отъ настала пожеланная нимъ хвиля помсти!

Узнавши на радѣ отъ Татарѡвъ, що они были уже въ Гнѣздѣ, не застали тамъ ни живои души, онъ задумался и зажурился. Чи имѣлѣбы не помститися за нанесену зневагу и обиду, чи имѣлѣбы не дѣстати въ свои руки Ярославъ? О нѣтъ! На саму ту думку его сердце сжималось въ груди. Если теперь не дѣстане еѣ, если теперь тяжко не помстится, такъ отвѣтнѣйшои хвили и случайности къ тому уже николи не найде. Его очи на такую думку заблысли гнѣвомъ раненого звѣра, его очи, его безцвѣтне лице прямо посинѣли, а цѣле тѣло ажъ встряслося. Думалъ онъ хвильку, кудабы скрытися могли жители Гнѣзда вразъ съ Ярославомъ. Пригадувалъ собѣ всѣ мѣстця, въ якихъ моглибыся они скривати.

Наразъ его очи заблысли радостию, лице розпогодилося, на выблѣдлыи безкровныи уста выбѣгъ усмѣхъ удовольствія. Яношъ пригадалъ собѣ одно велике сухе, высше мѣстце середь зарѣчины, поросле деревьями и лозиною, окружене непроходимыми водами, где въ свое время

пѣдчасъ наѣздѣвъ на Галицку Русь Мадьярѣвъ и Полякѣвъ за малопѣтности князя Данила скрывался мѣстный народъ.

Свою думку высказалъ ѣнъ сеѣчасъ и представилъ татарскому вождю, обѣщаючи его завести туда, где найде велику добычу, застерѣгаючи собѣ тѣлько, шо въ его руки попадеса Ярослав живую. Теперъ пер дѣ его очима представилъ живой образъ послѣдней ночи въ садѣ Волича, его бесѣда съ Ярославю, презрительное отношеніе еѣ къ нему, зневаженъе Святоборомъ, соромне перекиненъе черезъ огороженъе саду... Его кулаки затислися; зубы заскреготали! Не даромъ поклялся ѣнъ, шо поверне еще разъ до воличского двора!

Затеръ руки; а уста сложилися до якогось дѣвольского усмѣха очи сверкнули огнемъ жажды мести и злобы въ сторону Гнѣзда! Отъ уже ѣде ѣнъ туда...

Одна часть Татаръ зачатовала уже въ гнѣздыцкѣмъ лѣсѣ надъ рѣкою, другая съ Яношемъ ѣгъ мѣстця „тутъ рады“ посувалася тихцемъ скрыто просто на полудне. Уже загналися въ наибѣльше недоступный мѣстця зарѣчины, приблизилися въ надрѣчныи гушаки и очереты, встрѣчаючи, шо крокъ то мочары, то опять багна и трясавиша, верхомъ по ослыи травюю и кустарникомъ, сподомъ уже мовѣбы бездонныи. Треба было челоуѣка ознакомленого съ тѣми мѣстцями, шобы хибный крокъ не переплатити житьемъ и шобы съ тѣхъ трясавищъ выбрести. Кѣлькохъ Татарѣвъ, которы смѣлѣйше догналися впередъ, не уважаючи на Яноша, загрязло съ кѣньми въ трясавишахъ. Поволи кони начали шо-разъ бѣльше погружатися, начали порскати,

рватися, но тѣмъ гѣрьше себе затопляли. По кѣлькохъ хвиляхъ лише бульки пѣдносилися на верхъ воды, котора покыра въ своей бездонности коней и всадникѣвъ. Кѣ ѣкохъ загнавшихся другихъ Татарѣвъ, видячи якъ бѣдны звѣрята стають потопати, злѣзли, однакъ хиба на то, щобы такъ повольно потонути въ багнѣ, та крикнути послѣдніи слова :

— Зрада! То здрада!

Мовъ искра кинена на суху соломѣ, такъ пѣдѣйствовали послѣдніи слова потопаящихъ на прочихъ Татарѣвъ, которыи дивилися на смерть тѣхъ кѣлькохъ смѣльчакѣвъ.

— Зрада! Зрада! — кликнули они лютымъ, страшнымъ голосомъ, а петля закинена въ одной хвилѣ Яношу на шею, звалила его съ коня на землю. Онъ лише захрипѣлъ, вытрѣщивши свои облудныи очи, языкъ повисъ прямо по бородѣ, а цѣле тѣло начало судорожно трястися — черезъ кѣлька хвилинь сильнѣйше потягненье петлею — а подлая душа улетѣлабы на вѣки изъ того предательского тѣла.

Одинъ съ Татарѣвъ мовъ дика пантера зѣскѣчилъ съ коня — уже пѣднѣсъ криву шаблюку, щобы нею замахнутися — и голова измѣнника съ вытрѣщенными очима покотылабыся въ тѣ трясавища.

— Зраднику! Собако невѣрна! — крикнулъ розлюченый Татаринъ.

— Зрада! Зрада! Утѣкаймо! Спасаймося! — мовбы ѣтгомомомъ татарскихъ воскликѣвъ понеслися вопли отчаянїя съ гушакѣвъ, укырыхъ середъ бездонныхъ водъ.

— Пропали мы! Отнайшли... окружили насъ Татары не пустятъ насъ съ душою!... Спасай насъ, Иисусе! Спасай, Пресвята Дѣво!...

Понеслися опять роздираючи душу восклицаниа, а за ними почулся зойкъ и плачь дѣтей и женщинъ, а звукъ рога загремѣлъ съ укрытыя въ страшну тревогу.

То татарскіи слова „зрада“, ихъ бѣшеныи проклятія издалека извѣстили укрытыхъ тутъ Гнѣздычанъ о приближающей опасности и грозѣ. Въ первой хвилѣ всѣ потратили голову. Пѣнѣлся голосъ розпуки. Они и не припускали, чтобы Татары самыи могли або осмѣлилися загнати въ тѣ небезпечныи трясавища. Що найдѣся измѣнникъ, который покаже имъ доступъ та поведе ихъ туда, того они не надѣялися. А тутъ страшная дѣйствительность отворила имъ очи! Тѣ азіатицкіи дикуны нашли ихъ даже въ тѣхъ трясавищахъ.

Всѣмъ имъ уйти смерти, спасти житье и имѣніе — о томъ не можна было и погадати. Грозна смерть глянула всѣмъ въ очи! Знали они, кто суть Татары, знали, що не можно у нихъ просити о милосердіе и помилованье у нихъ, которыи ни сердца ни милосердія, ни пощады даже для грудныхъ дѣтей не знали!

Спасаймо то, що дастся спасти! Женщины и дѣти най переправляются чѣмъ скорѣйше знанымъ бродомъ черезъ рѣку на другу сторону въ лѣсъ! — повелѣлъ рѣшательно бояринъ Гнѣздычъ.

— Ты, Иване, займися ихъ переправою, найничого не берутъ съ собою! Спасайтесь съ житемъ! Мушины всѣ, даже старцѣ, кто лише може рукою владѣти, най бере въ руку, що може, и всѣ мы останемся тутъ! Най никто не уступае ни на крокъ! Смѣло дивѣтся смерти въ очи, вѣдь спасаете ваши жены, ваши дорогіи дѣти! Напирати на Татаровъ и перти ихъ въ наибольшіи трясавища, а тѣ намъ въ борьбѣ допомогуть! Дѣти мои! Богъ съ вами! За рѣдну землю, за наши семейства!

На первыи вопли отчаянія, якіи понеслися съ тои зарѣчины, спохвалися Татары, що тутъ людска крыѣвка и що Яношъ или правду сказалъ — или завель ихъ съ розмысломъ въ засаду. Надумуватися не было коли. Первая стрѣла съ зарѣчины звалила точно того Татарина, который держалъ на арканѣ Яноша, а той почувши слабше давленье петли, хопилъ еѣ рукою и увѣльнился ѳтъ неи и съ страшнымъ, набѣглымъ кровью лицомъ, зайшовшими очима, скочилъ на коня, та съ заѣлостію бѣсноватого и съ дѣвольскою злобою, кинулся первый на Гнѣздычанъ съ зазывомъ: „За мною Татары!“

А тѣ мовъ хижіи вовки, съ адскимъ крикомъ и воемъ, кинулися напередъ, ажъ земля застогнала! Но заперли имъ доступъ уккрытыи Гнѣздычаны, та началась страшная рѣзня. Кололися взаимно, рѣзали, скидали на землю, тратували, кому выпало съ рукъ оружіе той билъ кулаками, грызъ зубами, давилъ руками. Началось прямо пекло, середъ страшливого крику, проклятій, стонѳвъ раненыхъ коней.

Бодро держались Гнѣздычане. Даже надмогильнии старики набрали такой силы, що однимъ ударомъ валили Татарина. Они вытискали Татаровъ на найглубше трясавище, а тамъ уже не треба было ихъ добивати. О стѣлько лучше было положенье доблестныхъ Гнѣздычанъ, що знали тутъ кажде мѣсце.

Старый бояринъ Гнѣздычъ и Воличъ, Богъ знае, ѡтки набрали такой силы, боролися якъ лвы. Н разъ ѡтъ татарской стрѣлы повалился Гнѣздычъ межи татарскіи трупы, якіи густо покрыли уже землицю. Вѣрный Иванъ, обскоченный Татарами, полятился назадъ и оперся межи трипенну съ одного кореня осіку, та безпечный тутъ ѡтъ заду. рубаль такъ тяжко и забло, що одному Татарину, якъ и занадто наближился пѣдъ его мечъ и хотѣлъ его арканомъ вхопити, ѡглетѣла голова съ правою рукою и арканомъ въ руцѣ. Уже много труповъ лежало тутъ коло него, та Татары боялися уже попасти пѣдъ его руку, хотя съ правою раненою руки текла кровь и ѡнъ рубаль лѣвою рукою.

Сильно прорѣдилися Татары, велика ихъ часть потонула въ безднѣ трясавища, другая валялася на землѣ въ крови разомъ съ доблестными Гнѣздычанами.

Въ тѣмъ быстре око вѣрного Ивана замѣтило между Татарами съ передъ кѣлькохъ лѣтъ знакомого Яноша Цуцыка. Его умъ прошибла гадка жалкой дѣйствительности, що то ѡнъ навѣрно виновникомъ цѣлого несчастья — ѡнъ навѣрно тѣмъ измѣнникомъ, который завель Татаровъ въ ихъ укрытыя.

На самую ту гадку Иванъ стиснулъ зубы и взволнованный кинулся въ сторону Яноша, который цѣлый часъ шукалъ на мѣстцѣ происшествія одной особы — Ярославы — но переконался, що еѣ тутъ нѣтъ, що она укрыта въ другомъ мѣстцѣ.

Ажъ тутъ изъ-за рѣки, отъ стороны гнѣздыцкаго лѣса почулся голосныи плачь и вопли отчаянія. То другая часть Татаровъ кинулася на переправившіися туда женщины и дѣти съ арканами. Побачивши въ яку засѣдку они попалися, они прямо заумерли отъ страха — гдѣ-которые млѣли, другіи съ дѣтьми кинулися въ быстрые волны рѣки, чтобы радше тутъ потонути, якъ попасти въ люту неволю. Рознесся страшный крикъ, плачь и призываніе несчастныхъ о помѣчь; гдѣ-которые женщины начали самы мовь тѣ львицѣ кидатися на Татаровъ! Но якая та женская сила, яка защита?!...

На первый зовъ о помѣчь, на той голосъ несчастного отчаянія, спохватился Яношъ Цуцыкъ, кликнулъ на Татаровъ недобитковъ, та ударивши коня, скочилъ въ виръ воды, чтобы чѣмъ скорѣйше вплавъ тамтуда дѣстатися — за нимъ кинулася татарска горсточка недобитковъ, за ними допавши якогось коня, кинулся вплавъ Иванъ и старый Воличъ. Теперь понялъ онъ цѣлое коварство Яноша, но было уже за пѣзно!

За то время на другой сторонѣ рѣки розогрался страшный драматъ. Горсточку безборонныхъ женщинъ та беззащитныхъ дѣточокъ окружила дика татарска толпа. Тутъ и тамъ закинена на шею петля влекла уже по землѣ здушену, омлѣлу жертву за дикимъ степовцемъ. Яношъ уже переплилъ рѣку мовь несамовитый та бѣсно-

ватый метался на конѣ помежи убитыми та взятыми въ плѣнъ женщинами, шукаючи одной. Шукаль Ярославъ. Шукаль той, котору любилъ, хотя нимъ погордила, а котору поклялся посѣсти на всегда.

Наразь его мечъ ударилъ Татарина, а рука выдерла удареному съ рукъ арканъ, на которомъ тотъ влекъ за собою уже полумертвѣ невѣсту, которой волосье замѣтало землю. Ту женщину порвалъ Яношъ, перекинулъ на коня передъ себе и нуже утѣкати съ тою добычею, шо конь выскочить — за нимъ начали утѣкати Татары. Та женщина — то была Ярослава.

Сильно стиснулъ своего коня Иванъ и ударилъ его острогами, а скотина мовбы поняла волю ѣздока и скочила мовъ вѣтеръ, ажъ земля задуднѣла. Гналъ и другій ѣздокъ за Иваномъ, а то старый Воличъ, который побачилъ якъ Яношъ утѣкалъ съ его дитиною. Кинулися доганяти Татаровъ и остальные Гнѣздычане, щобы спасати дорогую имъ боярыню Ярославу и або вырвати еѣ съ вражихъ рукъ або вѣрно пасти за своихъ любыхъ бояръ!

На половинѣ дороги межи Жидачевомъ а мѣстцемъ, где была измѣннича рада, прозваннымъ мѣстцемъ „Турады“, догнала рештка Гнѣздычанъ убѣгающихъ Татаровъ. Первый вѣрный Иванъ догналъ Яноша, кѣлька кроковъ ихъ роздѣляло.. Оглянулся люто мадыарскій Цуцыкъ, хопилъ рукою за мечъ, та въ томъ заблिसнулъ мечъ Ивана, а рѣвночасно голова Яноша розчерепилася прямо по шею. Въ томъ другій ударъ меча старого Волича свалилъ коня Яноша, тотъ повалился и придавилъ своимъ тягаромъ омлѣвшу Ярославу.

Скочилъ изъ коня вѣрный Иванъ, прискочилъ и Воличъ, щобы раговати несчастну жертву съ пѣдъ кѣньского тягару, въ тѣмъ посыпалися на нихъ обохъ страшныи татарскіи удары шабелъ, засыпали ихъ вражіи стрѣлы и прямо посѣкли въ куски тѣла Любоміра Волича и вѣрного Ивана. Не оминула смерть и несчастну Ярославу. Всѣ три любящіи души улетѣли съ зимныхъ тѣлесъ, идѣже нѣтъ ни болѣзни ни печали... Мертва тишина залягла по кѣлька хвиль то поле битвы, ангелъ смерти уносился на тихихъ крылахъ надъ почившими русскими героями.

Спочило тѣло старого батька при тѣлѣ своей одинокои, любой доньки, спочилъ при нихъ вѣрный слуга Иванъ, похованый Гнѣздычанами въ вспѣльнѣй могилѣ.

А Татары перелетѣли дальше мовъ та страшлива туча та гураганъ, усѣявши русску землицю тысячами трупѣвъ, тысячами могилъ, наполнивши ту землицю безталанными сиротами, множествомъ калѣкъ, а другіи тысячи погнавши передъ собою въ ясырь. Перелетѣли Татары ту несчастну нашу землицю, роздѣливши тутъ свою орду на двѣ части. Одна понесла дальшу смерть и псжары на Польшу, розбила пѣдъ Хмельникомъ польскіи войска, вдерлася на Шлескъ, послѣ на Моравію, та тутъ пѣдъ Оломунцемъ оперлися имъ въ лютой борѣбѣ въ желѣзну збрую закованы чешскіи богатыри.

Друга часть передерлася въ Угорщину черезъ горы Карпаты, щобы въ кѣлькохъ дняхъ перемѣнити и ту плодотворную землю въ пустыню полну згарищъ. Самъ угорскій король Беля бѣжалъ въ Дальматію.

Такій то былъ первый наѣздъ Татаръ на Галицку Русь въ 1241 роцѣ. Перебѣгли, знищили, вырѣзали, стратували, попалили все, оставили тѣлько жалкіи памятки по собѣ, якъ рѣжныи назвы мѣстцевостей. Такъ ѳтъ нихъ назвали люди нынѣшніи трясавища въ Волицѣ коло Жидачева Татаровцемъ, ѳтъ татарскихъ „радъ“ вѣроятно одержало названіе село Ту-рады — кажуть, що тогдашніи жители назвали мѣсце смерти вѣрного Ивана Ивановцями.

Въ тѣмъ самѣмъ часѣ, коли Татары потягнули дальше на западъ, поверталъ туды князь Данило и сталъ съ дружиною на нѣчь въ Синевѣдску въ монастырѣ Пресвятои Богородицы. Та тутъ въ синевѣдскихъ горахъ стрѣтился съ сотнями перестрашенныхъ бѣглецѣвъ изъ всѣхъ сторонъ его пространныхъ земель, а утѣкали они туду въ карпатскіи горы, щобы тутъ въ ущельяхъ середъ лѣсѣвъ найти убѣжище передъ смертію. Тутъ узналъ князь о страшныхъ опустошеніяхъ татарскихъ, о гибели боярства, о разореніи городѣвъ.

Вмѣсто цвѣтущихъ селъ, онъ видѣлъ згаріща, по дорогамъ лежали непохороненніи трупы. Онъ безъ военной силы не могъ оставатись, потому изъ Синевѣдска завернулъ назадъ до Угоръ, а ѳттамъ черезъ Бардіевъ ѳтправился въ Польшу, где находилась его семья, спасающа себе бѣгствомъ передъ Татарами.

Ѵтти возвратился князь въ рѣдну землю, но куда переѣзжалъ, всюду изъ величавыхъ мѣстъ, роскошныхъ русскихъ селъ побачилъ одну руину, почувъ душу роздирающій плачь, зойкъ, нарѣканье, велику кровью обажену пустыню!

На ночлегу въ синевѣдскѣмъ монастырѣ побачилъ и перебивающій съ княземъ бояринъ, Святоторъ Гнѣздычъ людей съ жидачевскихъ сторонъ, якіи угѣкали въ недоступныя горы передъ Татарами, та ѡтъ нихъ узналъ о судьбѣ такъ Жидачева якъ и доокрестныхъ селъ. Якъсь страшное предчувствіе обезпокоивало его душу. Его умъ запрятала одна мысль; що дѣся съ его родиною? Цѣлый часъ передъ его очи ставали то его отецъ, то жена, то Воличъ и его любыи дѣточки, ему казалось, що чуе ихъ слабый кличъ о помѣчь и защиту. Но другая думка, що они укрылися навѣрно въ застрыйскихъ очеретахъ и непроходимыхъ тростникахъ та трясавискахъ успокоивала его умъ, но не надолго, призракъ якого-то мертвеца ставалъ ему вѣчно передъ очами.

— Нѣтъ, коли цѣла моя родина и отечество въ наибольшѣй опасности, то менѣ не выпадае жити спокѣйно на Уграхъ. Вправдѣ туъ безпечно, но святой долгъ отечеству велить менѣ чѣмскорѣйше вертати и защищати рѣдну сторону!— Перемогла послѣдня мысль.

Хижостию вольного сокола поспѣшилъ въ рѣдныя стороны, съ ловкостію зміи пересмыкнулся черезъ татарскіи полчища и съ угнетенымъ сердцемъ, зловѣщимъ предчувствіемъ безвпинно спѣшилъ день и нѣчь въ сторону Жидачева. Переѣздилъ черезъ згарища тѣхъ селъ, якіи недавно пышныи, цвѣтушіи миналъ, а имъ близше своихъ сторонъ, тѣмъ больше удручало его зловѣщее предчувствіе, которое пѣдшептувало ему: „за пѣздно, все пропало!“ Приблизившись въ сторону нынѣшнихъ Покровецъ, туда пустился

въ поперекъ лѣса и поля, щобы скорыше станути на мѣстцѣ.

Тутъ уже напередъ надыбалъ самопасъ розбрызшуюся худобу, кони; встрѣтилъ кѣлькохъ людей, ѳтъ которыхъ узналъ о страшной дѣйствительности.

Не много еще хвиль и ѳнъ—буде въ своемъ селѣ. Но нѣтъ! То не его село. То одно згарище и кладбище. Изъ великой, цвигучой осели осталася горсточка людей, котора хйба уцѣлѣла на то, щобы ему все розсказати.

Той въ борьбахъ закаленный богатырь, той бояринъ, который даже неминуемой смерти бодро и смѣло заглядаль въ очи, теперь на згарищахъ своего двора-пустковья скрылъ лице въ ладоняхъ и гѣрько, сердечно заплакалъ слезами малои невинной дитины.

Поспѣшилъ поведеный на указане мѣстце, где погибла его Ярослава, Любомиръ Гнѣздычъ, вѣрный его слуга и другъ Иванъ — стануль, заломаль руки и слезы оросили его зболѣле рыцарске лице. Розпытоваль Святоборъ за дѣтьми, довѣдовался всюда про любого Руслава, про дорогу Велиславу. Розсылалъ людей на всѣ стороны, однакъ не узналъ про нихъ ни слова. Не мѣгъ никто сказати, чи они погибли, чи потонули, чи порвали ихъ Татары. Тысячи думокъ про нихъ приплывало ему въ голову. Все пропало. Пропали въ безвѣстности, мовъ камень въ глубинѣ, его любый, найдорожшии дѣточки. Остался мовъ сирота середъ широкого свѣта, началося гѣрьке его житье.

Не вязало его ничь къ тѣмъ сторонамъ. Оставилъ ихъ, пустился въ свѣтъ, щобы тѣ стороны а съ ними страшна гадка утраченого счастья, не стояла ему вѣчно предъ очима.

Отъ теперъ посвятился онъ всецѣло военной службѣ при боцѣ князя. А такъ якъ князь Данииль цѣле свое житье не зналъ супокою, вѣчно боролся съ вражими сосѣдами или самъ ишолъ походомъ на ихъ области, а найгѣрьше докучали ему Татары, то такъ само и Святоборъ не зазналъ отъ теперъ супокою, въ вѣчныхъ походахъ, битвахъ та борьбахъ перевелъ свѣй вѣкъ, а тѣ битвы мовъ той попелъ прикрыли изверху его зраненую, зболѣлую душу.

Съ наибольшою радостію и рвеніемъ спѣшилъ онъ въ походы для борьбы съ Татарами. Где найлютеѣйша розгрывалася борьба, где найзавзятѣйша была рѣзня, тамъ видно было Святобора, мовъ того ангела смерти, съ страшливымъ для враговъ мечемъ въ руцѣ. Страшно онъ тогды выглядалъ. На самъ видъ Татаровъ приходила ему згадка про рѣдне село, про его згарища, про помордованыхъ родичей и жену, про безвѣстно пропавшихъ любѣйшихъ дѣтей. А згадка та родила въ немъ такій огонь, добавала такой надлюдской силы, що куда кинулся на конѣ Святоборъ, куда замахнулся мечемъ, тамъ котился посѣвъ смерти. Досыть было поглянути на еголице, на громомъ кидаючи очи, на ту крѣпку подносячуся руку, а уже самъ той видъ отбиралъ ворогу отвагу и смѣлость, страхомъ паполнялъ его душу, та прямо умертвлялъ руку съ оружіемъ. Пѣзнали его Татары въ неодной битвѣ. Страшнымъ было межи ними его имя, а

само его появленіе сѣяло переполохъ въ татарскихъ рядахъ.

Въ 13 вѣцѣ, якъ и въ послѣдующихъ лѣтахъ густо-часто выступали Татары, а головно Золота або Кипчацка Орда, а потомъ Крымскіи Татары заганялися въ западныи стороны, а уже найчаштѣише на нашу Русь. За княжества самого Данила знищили они кѣлька разѣвъ его земли, якъ рѣвножъ удѣлы другихъ князей, а за каждымъ разомъ оставляли они страшныи послѣдствія своего нашествія, за каждымъ разомъ гнали передъ собою великіи стада худобы, утѣкали въ свои степи съ тысячами полоненыхъ въ силѣ вѣку мужчинъ и женщинъ, забирали дѣтей.

Тѣхъ людей продавали Татары опѣсля по торгахъ мовъ яку худобу за невольникѣвъ и невольницъ. По татарской та турецкой землѣ было всюда премного нашихъ людей въ неволѣ, которыи прикованы до веселъ по великихъ и малыхъ корабляхъ, порушали веслами безъ выпочинку. По татарскихъ домахъ было много нашихъ невольникѣвъ, которыхъ на день выводили до тяжкихъ робѣтъ и най Господь хоронить отъ кары, яка спадала на тѣхъ, которыи посмѣлибы опиратися. Обращалися съ ними, якъ съ робочою худобою, били ихъ немилосердно и катовали, а кормлено гѣрьше, чѣмъ собакамъ. Женщины продавали въ татарско-турецкіи гаремы. Сумна была тамъ ихъ доля.

А дѣтей-хлопцѣвъ — ихъ виховували особно въ татарско-турецкѣмъ дусѣ, въ магометанскѣй вѣрѣ, въ нихъ вщеплювали ненависть и вражду до Христовои вѣры и христіанскихъ народѣвъ, а цѣле то воспитаніе преобразововалося въ нихъ

въ звѣрску дику ненависть до христіанъ, назван-ныхъ турками гіяврами, т. е. незвѣрными собаками.

Выдертыи ѳтъ малку съ любезнѣйшихъ объятій рѳдной матери, ѳтобраны своимъ родичамъ, забраны маленькими съ рѳдной землѣ, выхованы вражою татарскою или турецкою дичью, ѳтъ наймолодшихъ лѣтъ воспитанныи въ ненависти до всего, що христіанске, они и не знали, що въ нихъ ѳтъ дитинства христіанска душа, не знали, що въ нихъ плыве щира кровъ русскихъ отцевъ и матерей, не знали несчастныи татарскіи выхованки, що на нихъ не затерте знамя св. крещенія. Тѣмъ бѣднымъ дѣтямъ може и не приснилось, що ихъ родина не татарска орда, а далеко русская ѳтчина, а тамъ може и теперъ оплакують ихъ рѳдныи родичи! Они и не погадали, що они вырваны и украдены на згарищахъ и руинахъ тои несчастной русской земли, противъ которой ихъ подстрекали, котору они мали колись палити и нищити.

Съ тѣхъ дѣтей чисто христіанскихъ, коли повырастали, образовали позднѣйше Турки полки наилучшого и найзавзятѣйшого своего войска. Были тотакъ званы „Яничары“, наилучшіи отборныи турецкіи войска. Полки Яничарѳвъ своею дикою храбростію переважали майже всегда побѣду на турецкую сторону.

Татары, не знали, що то щадити христіанску кровъ или свое житье, они не подалися въ задъ въ наилучѣйшой борьбѣ, хотя каждую пядь добытой земли покрывали и устелювали своими головами.

Самъ кличъ „идуть Татары“ выстарчалъ, чтобы отобрати бодрѣсть и отвагу христіанскимъ борцамъ. А турецкіи Яничары? Густо-часто случалось, що тѣ Яничары въ лютой борьбѣ убивали несвѣдомо даже рѣдныхъ родителей або сродникѣвъ.

Прикра она, но истинна правда, що свѣй измѣнникъ-рenegать сто разъ гѣршій и лютѣйшій отъ чужого врага!

Пѣзналъ несчастный князь Данило, що безъ помочи другихъ христіанскихъ державъ самъ уже не дасть собѣ рады съ Татарами, тому сближился до западныхъ европейскихъ державъ. Сближился до Угорщины и Польщи, связался съ Литовцями, а даже самъ папа Римскій Иннокентій IV, который пѣзналъ въ немъ свѣтлый талантъ, выслалъ къ нему своего легата Онизона, который въ Дрогичинѣ 1255 года отъ имени апостольско-го престола помазалъ и короновалъ князя Данила, свѣтлѣйшимъ королемъ Руси. Отъ Польщи, Венгрии, Литвы и папы онъ надѣялся помочи.

Довѣдалися о плянахъ и намѣреніяхъ Данила Татары и тогда еще съ бѣльшимъ упорствомъ обернулись противъ него. Папа Римскій мимо широи воли, не далъ обѣцяной помочи, не дали еѣ и христіанскіи державы, не дали ни угорскій ни польскій короли; а ханъ выслалъ въ 1255 г. своего вождя Куремсу, чтобы укаралъ Данила. Но Данило власными войсками побилъ Куремсу пѣдъ Кременцемъ и прогналъ его съ Понизья, то есть Подолья, которое Понизьемъ тогда называлось.

Однако въ 1261 р. выступилъ ханъ Бурундай съ своихъ кочевискъ и съ неизмѣримыми полчищами Татаровъ двинулся на Галицкую Русь.

Князь Данило не мѡгъ опертися такой силѣ, оставилъ рѡдный край, лишивши на свое мѣстце брата Василька и своего сына Льва, которыи покорилися Татарамъ, а самъ утѣкъ въ польскіи земли. На приказъ хана Бурундая Василько и Левъ должны были власными войсками розметати и уничтожити укрѣпленни русскіи города Кремянецъ, Стожекъ, Даниловъ, Луцкъ, Львѡвъ и много другихъ.

Бурундай забралъ съ собою русскіи полки, помножилъ ними свое и такъ величезне войско и перешедши Галицку Русь, переправился черезъ Вислу, добылъ городъ Судомиръ, прозване Поляками Сандомѣромъ а тамъ турецкіи полчища высѣкли всѣхъ жителей въ пень, якъ пише лѣтопись „отъ мала до велика“. Татары поспѣшили дальше, заняли Краковъ. Оставивши спаленый и розореный Краковъ и Судомиръ, возвратилися Татары съ богатою добычею въ свои степи и кочевища.

Скоро исчезли Татары, начали выходить изъ своихъ убѣжищъ и крыѣвокъ, съ лѣсовъ та гѡръ схоронившіися туда жители сель и мѣсть. Вернулися и тѣ жители Судомира, которы въ часъ убѣгли передъ наѣздомъ. Однаходили згарища своихъ хатъ и домѡвъ, шукали погибшихъ сродникѡвъ, щобы ихъ похоронити, ратовати тѣхъ, которы пѡдъ розвалинами были привалены або татарскимъ мечемъ недобиты давали слабѡньки признаки житья. Собирали окремо трупы Татарѡвъ бисурманѡвъ, щобы ихъ осѡбно закопати.

Помежи другими людьми, які посередъ згарищъ и румовищъ шукали своихъ сродникѡвъ и знакомыхъ, увивалося трое людей, двое съ нихъ старшихъ вѣкомъ — человекъ видно и жена и трета при нихъ красивая дѣвица, о гарныхъ, плѣняючихъ очахъ, мовъ шолкъ чорныхъ бровахъ, гнучка и струнка мовъ ланя, въ вѣцѣ якихъ 20 лѣтъ.

— Отъ тутъ стояла наша хатчина, а тутъ дивися, Анно еще тлѣе рештка нашего сбѡжа, ни слѣда нашої кервавои працѣ! — озвался съ болемъ сердца къ женѣ человекъ.

— Охъ, Боже! Боже! За шо насъ Твоимъ гнѣвомъ навѣщаешь? Чимъ провинилися мы предъ Лицемъ Твоимъ? — жаловалася жена.

— Жено! Не гнѣви Бога. Господь взялъ, Господь и дастъ. Даль Онъ свой допустъ на насъ, да будетъ Его воля. Чи ты, Анно уже позабыла, якъ тому точно 20 лѣтъ назадъ татарская дичь такъ само пустила съ дымомъ весь нашъ доробокъ? А шо гѡрьше, тогды были намъ одиноку нашу дитину! Были у насъ будынки, худѡбка, сбѡже, все тогды пропало, даже одинокой дитины не выдерли съ ихъ рукъ! Охъ, якъ тяжкій былъ Божій допустъ... А однакъ Онъ Всемиловѣйшій ѡтдалъ намъ мѣсто нашої, чужу дитину, далъ Марусю нашу, котру Богъ знае, кому выдерла ей вража рука... далъ намъ наново маечокъ, мы ѡтбудовалися, доробилися худѡбки и гроша грошка, га... вправдѣ будынки съ дымомъ пѡшли, однакъ мы всѣ съ душею спаслися, худѡбку съ укрытыя приведемъ, гроши ѡткупаемъ и при Его святой волѣ наново доробимся.

Въ тѣмъ о кѣлька кроковъ ѡтъ ихъ зга ришь пролетѣлъ тихій, слабонькій тонъ, мовѣбы конаючого чоловѣка... Очи всѣхъ трѣхъ осѣбъ звернулися въ ту сторону. Тихо. Въ тѣмъ мѣстци лежало кѣлька убитыхъ людскихъ трупѣвъ, убитый татарскій кѣнь, привалившій своимъ тягаромъ, якогось людского трупа, а верхъ нихъ бельокъ съ заваленого будынка.

Тихій стонъ повторился, но уже слабше..

— Тутъ близко есть ктось раненый, може уже умирае, може бы его еще выратувати, то навѣрно якась христіаньска душа — сказала Маруся — такъ называлась дѣвица — и не ожидаючи отвѣта, побѣгла на мѣстце, ѡтки доходиль стонъ.

Стонъ повторился — легкій, придушенный, мовъ съ пѣдъ землѣ.

— Татунцю! — закликала Маруся, — той челѣвкъ, котрого привалиль той кѣнь и бельокъ еще жіе, ѡнъ напевно и пораненый. Поможѣтъ выдобыти его съ пѣдъ того тягару, може еще ѡтжіе.

Отець, старый Феодоръ не далъ донѣць повторити прошенія. Прискочиль, допомогла жена и разомъ всѣ трое усунули бельокъ, та взялися усунути коня, придавленный пѣднѣсь слабонько повѣки, та омлѣлыми очима поглянулъ на ратуячихъ его. Повѣки снова замкнулися, а груди ледво пѣдносилися, уста слабонько розхилены захопляли воздухъ.

Та ледви отецъ Марусѣ опрокинулъ окомъ того погибаючого и его одежу, мовъ попареный ѡтскочиль съ жахомъ въ задъ, а очи его блысли гнѣвомъ, кулаки затислися, а крѣзь затиснены зубы прошипѣлъ гнѣвно:

— „То тагаарскій накоренокъ“! Най гине! Добью еще его, чтобы припадкомъ не вылизался та не ѳтплатился гадюкою!

Ѳтскочила и переражена мати, почувши слово: „Татаринъ“. Она перенялася такимъ уже страхомъ передъ ними, що боялася даже погибающо.

Ради Бога! Татунцю, не убивайте погибающо и безборонного! Чи годится брати на свою душу хотя бы и Татарина. Та мнѣ видится, що ѳнъ не Татаринъ. Що злого може ѳнъ намъ сдѣлати, котрый уже теперь прашаеся съ житьемъ? просила Маруся, цѣлующи батька въ руку.

— Не Татаринъ?... А вотъ татарска на немъ одежда, та ѳтки ѳнъ тутъ взялся? Такъ... то Татаринъ, лютѣйшій ворогъ христіанского имени.

Раненый отворилъ наново зомлѣлыи очи. Видно, що коли усунено съ него давячій тягаръ, ѳнъ трошка ѳтжилъ. Его хотя выблѣдле, вынужденѣле лице, показувало, що былъ то около 25 лѣтъ мущина, о гарныхъ, красивыхъ чертахъ лица. Ѳнъ поглянулъ такъ благательно, а очи подивилися такъ молительно, то на старого Теодора, то на Марусю, що та наново начала просити батька, чтобы ратувалъ житье тому татарскому чоловіку.

— Чи тямите, татунцю, якъ вы неразъ розказували менѣ, що тому 20 лѣтъ вы ледви живу нашли мене маленьку на побоевищѣ и згарищахъ при убитѣмъ Татаринѣ. Богъ знае, ѳтки они мене пѳрвали; Богъ знае, може где далеко плаче за мною рѣдна мати та батько, а може уважають за погибшу. Такъ татунцю, той Татаринъ, хотя онъ лютый нашъ ворогъ, такъ само могъ быти вырванный ѳтъ грудей его матери, съ

обнятій рѣдного батька и вихованный Татарами намъ на ворога, чи ѡнъ несчастный тому виненъ? Чи если бы ѡнъ зналъ, чья ѡнъ дитина, чи загналбыся ѡнъ грабити рѣдну землю? Чи такъ якъ мене не вырвала и его хлопчиною татарска рука, щобы выплекати на пострахъ и на погибель нашої ѡтчины? Татунцю, умилосердѣтся, може и нынѣ плачуть его рѣдный отецъ та мати, може ѡнъ былъ одинокимъ у нихъ, якъ ваша дитина! Може ѡтратуемъ его, отворимъ ему очи; научимъ, кимъ ѡнъ, съ якого рода и землицѣ...

Тутъ Маруся вхопила старого Феодора за руки и начала ихъ цѣловати, но той похиливши голову, розважалъ еѣ слова, которыи ударили въ чутку струну его души, вспоминаніе ѡтжило въ его душѣ, по его лицѣ покотилися двѣ сердечныи слезы. Онъ обнялъ и притиснулъ сердечно Марусю къ своей груди, та розплакалися всѣ трое.

По хвилѣ всѣ трое легко и осторожно забрали раненого Татарина и сложили въ тѣни дерева на убочи, а той мовѣбы понялъ, кто выпросилъ его ѡтъ смерти, поглянулъ на неѣ тихо но такъ сердечно, що тая ажъ спаленѣла, та опустила свои гарныи оченята и побѣгла за водою, щобы омыти раны, та ихъ завинути.

Отъ поры татарского наѣзда проминула половина року. За то время много змѣнилось въ мѣстицѣ, о которомъ иде розказъ. Тѣ, которымъ удалося убѣгти смерти, вернулись и яко тако ѡтбудовалися. Отбудовался старый Феодоръ, Марунинъ отецъ.

Затерся поволи слѣдъ згарища, люди позабыли немного на навѣстивше ихъ несчастье. Раненый, которого прозвано загално „Татаринѡмъ“ уже цѣлковито выздоровѣлъ, однакъ прозвище „Татаринъ“ цѣлкомъ не отвѣчало его выгяду. Былъ то гарный молодець, о голубо синихъ очахъ, съ гарно засѣявшимся усикомъ, крѣпкій и сильный, взагалѣ молодець, якому рѡвного тяжко найти.

За той часъ его убѣдили, що ѡнъ не есть родовитымъ Татаринѡмъ, що правдоподобно пѡрвали его Татары, маленькою дитиною ѡтъ рѡдныхъ родичей; що ѡнъ навѣрно крещеный, отже христіанинъ. А Татаринъ слухалъ, слухалъ, а особенно Маруся такъ переконуючо убѣждала его, що на днѣ его души начали вырынути якісь давныи, еще дитинячіи воспоминанія, котрыи 20 лѣтъ житья между Татарами привалили каменемъ забытъя. Щось пригадувалъ ѡнъ собѣ мовьбы давный, минувшій сонъ... мовьбы черезъ мраку все то бачиль, но то было давно, одно зналъ, що былъ крещеный и що родичи его были христіанами.

Одного разу, коли Татаринъ цѣлкомъ уже выздоровѣлъ, сказалъ Феодоръ при женѣ и дочцѣ:

— Мы сдѣлали свѡй христіанскій обовязокъ взгядомъ ближнёго, що ты теперъ еще жиешъ. то завдячуешь отъ — и не докѡнчилъ, всказуючи на дочку. — Теперъ ты уже здоровый и свободный. Маешь свою волю. Мы не имѣемъ права тебе задержовати, можешь ити, куда бажаешь. —

Мовь лютая стрѣла, такъ вразили тѣ слова Татарина. Ему даютъ волю, пускаютъ въ свѣтъ, а онъ радбы позбытися той свободы и волѣ, чтобы лише въ той хатѣ остатися, где его принято гостинно: остатися при тѣхъ людяхъ, которы выратували его о́гъ смерти, которы отворили ему очи. Его очи встрѣтились съ сумнымъ поглядомъ Марусѣ и слова старого еѣ батька сталися для него еще прикрѣшими. Чи оно можливо, чтобы онъ съ своею свободою стратилъ видъ тѣхъ чудовыхъ карыхъ оченятъ, той красавицѣ, котора выпросила его о́гъ смерти? Щось заболѣло его коло сердца. Чижъ не лучше былобъ ему несчастливо-му погибнути пѣдъ тягаромъ кѣньского стерва, якъ теперъ зазнавши хвилинь счастья, коли его сердце житьемъ любви зазвучало, кинути и стратити то счастье?!

Та и Марусю потрясли слова еѣ батька, бо зорке око побачилобы, якъ еѣ румяне, личко поблѣдло, якъ тѣ дрѣбныи, коралевьи уста задрожали, а всегда милый, привѣтливый усмѣхъ на нихъ куда то изникъ.

Она къ нему привыкла, она съ нимъ сжилася, мовь съ братомъ — она чувствовала, що якось непонятно къ нему привязалася; она.. якось сама себе не онимала. щось обудилося у ней въ серденьку и при той думцѣ румянецъ облилъ ей бѣленьке личко, спаленѣла мовь калина. Нове незнане до теперъ чувство вырынулось въ еѣ серденьку. Не инакше дѣялося въ сердциѣ молодця.

Ахъ, стратити тѣ очи, розлучитися на всегда съ тою дѣвицею, — то лучше было давно без-

вѣстно погибнути, закимъ въ первый разъ я еѣ пѣзналъ. По що тому половина року она за мною просила? Чому Феодоръ не добилъ его тогда, мае теперъ убити его сердце? — подумалъ чужинець.

— Простѣтъ, що назву васъ батькомъ своимъ, бо вы мовъ отецъ мною занялися, уратовали мнѣ житье, вернули мене рѣдной землѣ и народу. Такъ якъ отда васъ прошу, не проганяйте мене съ пѣдъ вашои стрѣхи... Буду вамъ вѣрнымъ слугою. Вы приняли мене, Богъ одинъ знае, чью сироту, занялися мною, а вдячнымъ вамъ буду до могилы. Пріймѣтъ мене за своего сына, я люблю вашу Марусю... Отдайте еѣ менѣ хотя я бѣдный, безъ рода и имени, то старатися буду все то вырѣвнати, а вы безжурно и въ супокою заживете при своихъ дѣтяхъ... — такъ молилъ онъ дальше.

Тутъ кинулся онъ до ногъ Феодору и Аннѣ, уцѣловалъ ихъ ноги. Маруся, котра не надѣялася чогось подѣбного, покраснѣла и осоромлена обернулася къ стѣнѣ. Все то выпало нечаянно. Не надѣялся и не былъ приготованымъ на то старый Феодоръ ни его жена.

Но все жена спохватилася, она рада давно была поблагословити свою донечку.

„Старый“ — сказала — „поблагослови дѣтей! Если они любятся, такъ най побираются. Най газдуютъ на нашѣмъ дорѣбку, а мы на старьи лѣта найдемъ супокѣйный кутикъ при дѣтяхъ. Не далъ Богъ рѣдну дитину пѣдъ вѣнцемъ видѣти, поблагословѣмъ ту, котра намъ рѣдну дитину заступила.

Урадованый молодець поцѣлувалъ сердечно руку старои Анны.

Эгъ! тобѣ стара вижу весѣлье усмѣхаеся! Но ты то легко все берешь, все легкимъ жѣночимъ умомъ, щобы гôлько весѣлье и все. А то оно не такъ легко! Най иде въ свѣтъ, може ôтнайде еще где свою родину. Най пôйде на прощу по Божихъ мѣстцяхъ, най шукае тамъ прощенія, що душу свою сбисурманилъ, що христiанскiй народъ убивалъ, що рôдни земли розорялъ. Чи знаешь, жено, яка за нимъ минувшеть, чи знаешь, за кого и якого чоловѣка хочешь ôтдати нашу Марусю?...

И я самъ его полюбилъ. Правда съ него молодець, но душа моя чуе, що они обое не для себе, що може не буде Божого благословенія на нихъ, если ихъ повѣнчаемъ. Сердце мое мене непокоить. Най иде въ свѣтъ, най шукае прощенія минувшихъ лѣтъ, най покаится въ своемъ поганствѣ, а схоче, то верне колись, я его тогды уже може не прожену.

Поволи миналъ той тяжелый день въ хатѣ Ѳеодора. Невесело было нынѣ въ ихъ хатѣ, всѣмъ жалко было съ собою прашатися. На другiй день молодець попрашался съ своими опѣкунами, поблагодарилъ за хлѣбъ-сôль; попрашался съ Марусею, котра поклялася, що его не забуде, що буде его ожидати, поклялся и онъ що поверне тутъ еще и переконае еѣ батька.

Татаринъ пустился въ свѣтъ, та первымъ его намѣреніемъ было очистити душу. До кѣльяхъ нашихъ монастырей онъ вступалъ. Онъ всюда молился, исповѣдался, билъ поклоны, просилъ прощенія поганскихъ лѣтъ, та по кѣльяхъ дняхъ спѣшилъ дальше.

Въ то время ходила слава про чудотворный образъ Богоматери въ Святобогородичномъ монастырѣ въ Жидачевѣ и про славного монаха о. Артемія, якій переживалъ тамъ въ монастырѣ. Почуль про той монастырь и того богоугодника нашъ молодець и туды направилъ свои шаги.

Вступилъ въ монастырскую церковь, помоллся передъ чудотворною иконою Божой Матери, а на душѣ стало ему наразъ такъ любѣ и легко, такъ нимъ овладѣло непонятне радѣстне чувство, що ѡнъ самъ себе не мѣгъ зрозумѣти, ѡтки наразъ въ немъ така перемѣна. Ударивши поклонами до земли, оставилъ церковь, та спросилъ въ монастырѣ про славного богоугодника.

Якійсь братчикъ повелъ Татарина къ уединеной келіи. въ молчанію показалъ на дверѣ келіи, самъ удалился. Молодець остался самъ передъ дверьми, сердце въ немъ забило, а якась мовбы невидимая рука прямо попыхала его напередъ, а думка въ сердци шептала, „тутъ въ той келіи найдешъ прощеніе“.

Молодець отворилъ, поступилъ шагъ напередъ и сказалъ „Слава Іисусу Христу“. Передъ нимъ стоялъ старецъ — монахъ съ долгой сивою бородой, мовъ снѣгъ бѣле волосье сплывало на его рамена, голубыи-синіи очи и о милыхъ, любыхъ чертахъ лице спочило на Татаринѣ.

Молодецъ вдвиглся въ старика, мовь прикованый стояль и не мѡгъ ѡтъ того лица ѡторвати очей.

— „Слава во вѣки! Чого желаешь честный молодче?“ — сказалъ лагѡдно о. Артемій.

Той мягкій, любый голосъ, той привѣтливый звукъ, мовьбы ударилъ въ якуюсь забыту струну его житья — ѡнъ задрожалъ, и еще быстрѣйше поглянулъ въ молчанью на монаха. По его лицѣ, по напруженѡмъ выглядѣ чола видно было, що его умъ напружился, его память сягала въ закутки давно минувшихъ лѣтъ... ѡнъ потеръ мимовольно чело — молчалъ и вдвлялся.

— Чого желаешь собѣ честный молодче? — спросилъ о. Артемій второй разъ тѣмъ самымъ мягкимъ, милымъ голосомъ.

Встрепенулся молодецъ, мовьбы воспроизвелъ въ памяти наразъ всѣ лѣта забытыи, все що будило и отсвѣжало воспоминанія уккрытыи и тлѣющіи на днѣ его души. Чоло его розпогодилось.

— Чого желаю, Божій угоднику? Васъ желалъ я побачити, преподобный отецъ. Даруйте що побачивши васъ, я задивувался, що долшу хвилю не мѡгъ промовити. Ѳтъ первои хвилѣ поступленья въ тѣ стѣны мене веде якась предчувствіе, а на видѣ вашого супокѡйного лица, на видѣ тыхъ голубыхъ погѡдныхъ очей, а къ тому и вашъ нѣжный голосъ, все то разомъ обудило въ моей душѣ давно пропавшіи дитинячіи лѣта. На первый вступъ, побачивши васъ, въ мнѣ вырынулась гадка, що я уже васъ колись бачиль... Нѣтъ не васъ... а кого другого. Буде тому уже съ двадцять лѣтъ, якъ я видѣль по дѡбне вашему лицу, що почувши васъ, що то

озвался въ моей душѣ звукъ, якій слышалъ я неразъ еще малою дитиною, якій мене пестилъ и го убилъ словами, коли я бавился на рукахъ рѣдной матери...

Старикъ молчалъ, не перерывалъ, вдивился уважно въ молодца, а той продолжалъ бесѣду:

.....Но тамтой мущина, которого я звалъ батенькомъ, тамтой былъ молодой, не имѣлъ ни одного сивого волоса, и его чело не было такъ морщинами пооране...

Молодецъ скѣнчилъ, затихъ, та мовбы што-то дуже давного пригадувавъ собѣ. А старикъ? Старикъ прямо впился очима въ черты лица молодца, въ его душѣ озвалася якась думка, пробудилося воспоминаніе и дрожащимъ голосомъ прямо мовбы повелѣвалъ, сказалъ нетерпеливо:

— Розкажуй дальше... Оповѣдай, що дальше, честный молодецъ!... а его старческіи уста задрожали. Молодецъ запримѣтилъ, що его слова, вызвали якуюсь згадку въ душѣ старого монаха.

— Що дальше?... Не помню... Давно то уже было. Ага — въ послѣдній разъ бачилъ я батька на чорнѣмъ — такъ на чорнѣмъ конѣ а съ нимъ много людей на коняхъ... Тогда моя мати держала мою маленьку сестричку на рукахъ, а мене вела за руку. Памятаю, що мѣй отецъ зѣскочилъ тогда съ коня, уцѣлувалъ мою мать, мене и сестричку и притулилъ насъ до груди... Пригадую собѣ, що коли онъ ѣтъхалъ, моя мати плакала и плакала... Бѣльше потому я батька не видѣлъ... а маму пѣзнѣйше якійсь челоуѣкъ порвалъ шнуромъ, а другій выдеръ мене съ еи рукъ... сестричка упала на землю, а мати рвалася къ намъ,

Та тутъ о. Артеміи прискочилъ до молодця, обнялъ за шею, притиснулъ до груди, началъ цѣлувати, голубити, а слезы струею полилися по его старческомъ лицѣ.

— Слава Тебѣ Боже! Слава Тебѣ Боже! Я недостойнъ Твоего милосердія! — шептали безперестанно его уста. — Слава Тебѣ Боже, що дождался еще на старости лѣтъ побачити рѣдно-го сына! Руславъ! Мѡй голубчикъ, мѡй скарбъ дражайшій, мѡй вселюбѣйшій Руславъ! Соколикъ мѡй любый! О якъ неизслѣдимыи стезы Твои, Боже!

Неописанная радѡсть была того дня въ монастырѣ Пресвятой Дѣвы въ Жидачевѣ. Счастью батька и сына, ѡтнайденыхъ по тѡлько лѣтахъ розлуки не было кѡнца. Радувался съ нимъ весь монастырь, веселилися всѣ отцы, вся братія, що така Божа благодать стрѣтила всѣми улюбленѣйшого о. Артемія. Ажъ теперъ довѣдалися въ монастырѣ всѣ, кто былъ тотъ побожный монахъ, который ѡтъ шести лѣтъ переживалъ тутъ одинокій въ келіи на покаяніи, постѣ и молитвѣ. Достойнъ, видно, оказался Божою милости, выпросилъ собѣ счастья передъ чудотворною иконою. „Велій еси Господи и чудная дѣла Твоя“. — шепталъ о. Артеміи, куда поступилъ.

Тымъ о. Артеміемъ, котрый ѡтъ шести лѣтъ переживалъ тутъ яко монахъ, былъ знакомый намъ бояринъ, Святоборъ Гнѣздычъ, той неѡступный княжескій труженникъ, той которого имя само переражало въ борьбахъ татарскіи полки. Послѣдню борьбу перебылъ ѡнъ въ 1255 г., бился тогда якъ левъ пѡдъ укрѣпленіями Кременця. Тамъ зѡсталъ побитый татарскій вождь

Кумерса и его полчища, но тамъ въ лютой борьбѣ зѣсталъ тяжко раненый Святоборъ. Раны тѣ истощили его силы, онъ передостался въ рѣдныи стороны и тутъ постригся въ монахи въ жидачевскѣмъ монастырѣ.

Всѣ въ доокрестности знали того богобоязливому монаха, всѣ его любили, но никто до теперъ не зналъ, кимъ есть тотъ о. Артемій. Змѣнились часы, а съ ними змѣнили ся люди змѣнился и самъ Святоборъ Гнѣздычъ. Чувало одно незмѣнне Боже провидѣнне, щобы за богугодне житье надгородити на старѣсть своего слугу!

Въ кѣлька дней пѣзнѣйше выѣхалъ о. Артемій съ сыномъ въ село Гнѣздо, въ свою посѣлѣсть, щобы ѣддати его своему сыну. Показалъ ему, где стоялъ колись ихъ дворъ, показалъ, где стояла церковця и другіи памятнии мѣстця. Поволи ѣтжила въ памяти Руслана еще не одна згадка изъ дитинячихъ лѣтъ.

Розказалъ молодець своему отцу свое житье, якіи судьбы и хвилѣ переживалъ, розповѣлъ за гостинныхъ Феодора и Анну, несмѣло сказалъ про красиву Марусю, котора вымолила прямо его — Татарина — ѣтъ смерти. Слухалъ старецъ а уста повтаряли свое: „Велій еси Господи и чудная дѣла Твоя!“

— А теперъ, дражайшій мѣй единородный — заговорилъ Святоборъ — менѣ часъ вертатися въ монастырскую обитель, ты тутъ останешся недалеко будемъ ѣтъ себе. Ты въ томъ „Гнѣздѣ“ основай собѣ родинне гнѣздо, найди собѣ отвѣтну подругу житья, може еще Всевышній допomoже поблагословити васъ и розрадовати свои

старыи лѣта вашимъ родиннымъ счастьемъ. Дай Богъ, щобы вы такъ любилися, якъ я съ твоею несчастною матерью, Ярославую..

Та на саму згадку двѣ великии слезы покотилися по его лицу, а старческая грудь тяжело вздохнула, бо въ ней збудилося воспоминаніе своихъ найсчастливѣйшихъ кѣлькохъ прожитыхъ съ дорогою сунругою лѣтъ.

Коли отецъ успокоился, розказаль ему Руславъ про свое чувство къ Марусѣ, розказаль ему якихъ то добродѣтелей дѣвица и своѣй послѣдній день въ домѣ ея родителей.

— Богъ вѣсть, сыну, якій еѣ родъ, чи отвѣтна для тебе дѣвица, ты вѣдь съ родового, славного боярскаго рода. Но если Богъ такъ благо-розсудиль; если, якъ кажешь, ты обѣцяль къ ней возвратитися, такъ поступи, якъ гадаешь. Ёдь — пріѣзди съ нею, най мои очи обое васъ увидятъ.

Руславъ Гнѣздычъ выѣхаль до того села где жили Θεодоръ и Анна, щобы подѣлитися съ своею радостію съ тѣми; которыи спасли житье его, яко Татарину-плѣннику, которыи приняли его гостинно на усѣяныхъ Татарами згарищахъ. Выѣхаль, щобы принести радѣсть Марусинымъ родичамъ и обвѣстити счастье, которе наполняло его грудь — родителямъ той, котору выбралъ на товариша житья, котору всещиро полюбилъ, къ которой ѣтъ первой хвилѣ привязалося нерозрывно его сердце.

Летѣль къ ней — радъ захопити криль бы-строга сокола. Пріѣхаль, съ радостнымъ серд-

цемъ, веселою усмѣшкою на лицѣ, привиталь Ѳеодора и Анну съ донькою.

— И такой повернулъ ты къ намъ, не позабыль насъ. Мы думали, що улетѣлъ куда, въ свои татарскіи стени! — заговорилъ старый батько, радъ въ душѣ, що Татаринъ повернулъ бо ему жаль стало за нимъ, бо и Анна докучила ему, що остро поступилъ съ молодцемъ, та и жаль стискалъ его за сердце, коли дивился, якъ его прибрана донька тужить, сумуе. Догадался всего Ѳеодоръ. Спихватился, жаль стало за Татаринѡмъ, жаль стало счастья доньки — а онъ ось загостилъ къ нимъ.

— Нѣгъ не улетѣлъ я въ татарскіи стени. Вертаю съ родимого села, щобы подякувати вамъ отъ имени богоугодного монаха о. Артемія, отъ имени боярина Святобора Гнѣздыча за вашу опѣку надо мною, за вашу гостиннѡсть. На крылахъ сокола хотѣлъ взлетѣти къ вамъ, щобы попросити васъ за вашъ трудъ къ себѣ въ гостину въ мое собственне село, въ мой двѡръ.

Заслухался Ѳеодоръ и его родина мовъ въ яку розказовану басьню вдивившися въ оповѣдающого молодця, имъ казалось, що все то дѣеся въ снѣ.

— Пріѣхалъ я просити васъ на двѡръ мого батька, певный заразомъ, що теперъ уже не откажете моему прошенію, не будете боятися ѡдати не за якогось Татарина а за боярского сына, Руслана Гнѣздыча! Сбирайтеся ласкаво въ дорогу щобы разомъ съ моимъ рѡднымъ отцемъ поблагословити насъ съ Марусею. Якъ радый побачити васъ бояринъ, Святоборъ Гнѣздычъ, за то, що уратовали ему рѡдного, погиб-

шого сына, якъ радъ онъ побачити Марусю, свою будущу невѣстку.

Руславъ говорилъ непрерывно. Никто и не гадалъ ему перерывати — они майже онѣмѣли изъ удивленія. Терли чело, протирали очи, споглядали одно на друге, Маруся покраснѣла, еѣ ошеломила якась неописана радѣсть.

Руславъ долженъ былъ розсказати имъ все поволи, подробно. Оповѣдалъ все, цѣлу свою вандроўку ѣтъ первого дня, въ которѣмъ ихъ попрашалъ, якъ ходилъ покутувати за молодый татарскій лѣта. Вопросамъ и радости не было кѣнця.

Въ три дни по тѣмъ выбралися стареньки Марусины родичи съ донькою и Руславомъ въ сторону Жидачева, до посѣлости Руслава Гнѣздыча. Ъхали веселы — радостно ѣхалъ Руславъ, счастливый, шо въ свое гнѣздо привезе собѣ молодую подругу житья.

Вкѣнцѣ приблизилися до жидачевскихъ сторонѣ.

Уже минали мѣстце, где передъ двадцать лѣтами стояла гнѣздычка церковця. Переѣхали еще кѣлька крокѣвъ, уже минали могилку, на которой въ тѣни розложистыхъ липъ стоялъ высокій крестъ.

Перекрестился почительвѣ старый Феодоръ, положила крестне знамя на своихъ грудяхъ стара Анна, перекрестился, снявши шапку, Руславъ. Пѣднесла свою дрѣбну ручку на чело Маруся, та рука мовѣбы тамъ заумерла, она вдивилась въ той крестъ середъ липъ на могилцѣ, схоцила рукою за сердце, а съ нѣжныхъ еи грудей вырвался воскликъ :

— Ахъ! то мое родиме мѣстце! Такъ то, тотъ крестъ тѣжъ липы и таяжъ могилка! Кѣлько то разѣвъ я еще дуже маленькою бавилася съ моимъ братчикомъ на той могилцѣ, коли моя рѣдна мати молилася тутъ у стѣпъ того креста!....

Мовь божевѣльна кинулася въ обнятія Анны, начала цѣлувати руки Феодора, а тѣи онѣмѣли не поняли, що съ нею сталося. Не промовилъ ни словечка Руславъ, ѣнъ въ молчанью поглядалъ то на могилку, то на Марусю. въ его головѣ снувалися дивніи гадки: „Чи то малабы быти она?“ насувался ему поневольный вопросъ. Хотѣлбы щось запытати и сказати, та голосъ прямо заумиралъ въ горлѣ. А думки плыли и плыли.

Того же дня прѣѣхали они въ Жидачевскій монастырь. Тутъ въ воротахъ монастыря принялъ ихъ одинъ монахъ и ввелъ ихъ въ гостиную комнату, где только монахи могли говорити съ посѣтителами.

Съ христіанскимъ привѣтомъ вступае въ ту комнату сивоволосый монахъ. Однимъ! быстрымъ поглядомъ окинуль онъ гостей — его око глядало тѣи, котра мала статися подругою его сына.

Маруся приступила почитательно, уцѣлувати руку о. Артемія, та тотъ задержалъ еѣ дробну ручку въ своей здивованый вдвиглся, прямо впился въ еи красиве личко, въ тѣ чудныи оченята, въ тѣ шелковыи брови; стоялъ мовь скаменѣлый, вдвигвшися въ тую красавицю струнку стать.

Руславъ стоялъ побѣчь, ѣнъ вдвиглялся то

въ батька, то въ Марусю. Отъ первой хвилѣ въѣзда въ Гнѣздо, отъ той хвилѣ передъ крестомъ на могилцѣ передъ нимъ станула загадка, яку хотѣлъ розвязати.

— Ахъ! Якъ зовуть тебе, честна, красива дѣвице? Отки ты? Ты мовь вѣрный образъ моеи покойной жены, мовь вѣрна отбитка пропавшой передъ двацять лѣтами моеи рѣдной доньки!... То личко, тїи брови, тїижь оченята, та сама струнка, гнучка стать моеи небѣжки жены!.. Одна велика рѣжница, що то твои родичи и що ты Марія а моя донька звалася Волислава!.. — заговорилъ взволнованный сильно старый бояринъ монахъ.

— Я прибрана донька у моихъ теперѣшныхъ родителей. Мене, пригадую собѣ, звали маленьку Волиславою... — озвалася Маруся, которе то слово „Волислава“ збудило еѣ мовь съ просонья.

...И на той могилцѣ, що и я пѣдъ липами при крестѣ малою бавилася съ братомъ, коли еѣ мамуся молилася пѣдъ крестомъ... — додалъ Руславъ.

Та старый Святоборъ хватилъ уже нѣжную стать Волиславы въ свои батькѣвскїи объятїя, цѣлувалъ, пестилъ, голубилъ, плакалъ мовь дитя, повтаряючи: „Велїй еси Господи и чудная дѣла Твоя?“

Цѣлувалъ и голубилъ ѣтнайдену доньку!

Стояли здивованыи старый Феодоръ съ Анною, которыхъ такъ Волислава якъ и Руславъ засыпали множествомъ любезностей. Стояли дивилися, слезы радѣсти и счастья прямо пхалися

въ очи, що Боже провидѣніе ихъ выбрало при-
нести такъ велике счастье другимъ.

— Хотѣлъ, дражайшій отче, привезти вамъ
сынову, та привѣзь пропавшую доньку а собѣ
сестру, — сказалъ Руславъ.

Не ѡтѣздили уже ни Феодоръ ни Анна въ
свое село, остались счастливи при дѣтяхъ, ко-
торыи почитали ихъ якъ рѡдныхъ родичей.

Ѡтѣхалъ о. Артемій въ свою уединенную
монашеску келію, щобы просити передъ чудо-
творною иконою о счастливѣйшу долю для дѣ-
тей своихъ, яка ему самому позавидувала судьба.

Народныя сказанія.

(Собралъ изъ устъ народа С. Ш А Х Ъ)

1. Христось и Соломонъ.

(Легенда)

Вмеръ Христось. Тѣло зложивъ Никодимъ до гробу и приваливъ каменемъ. Душа Его зѣйшла до ада выпустити души старого завѣта. Имъ бувъ вступъ до неба замкнень, поки Спаситель не вѣдкупивъ цѣлого роду людского Своею мученическою смертію.

Отворивъ Исусъ пекло. Нагнавъ діаволѣвъ на само дно, а душамъ казавъ виходити.

Зъ несподѣваною, но вычѣкованою радостію выходили небѣдики. Ишли якъ прецесія въ воздухъ до неба, Выйшли вже всѣ, лишь Соломонъ одинъ зостався.

— „А ты чому не йдешь? — пытае Христось“.

— „Та чому — вѣдповѣдае Соломонъ — менѣ и ту добре“.

— „Сли не хочешь теперь, то выйдешь пѣзнѣйше самъ звѣдти, но своимъ розумомъ“ — сказавъ Царь іудейскій и выйшовъ.

Зѣйшлися чорты. Стали раду радити, та плакати: „Забравъ намъ Христось всѣ души. Не буде кому смолу возити, вѣ грубѣ топити, файки рыхтувати, пекло замѣтати. Бѣда. Але по крайнѣй мѣрѣ добре, що одного намъ лишилъ. Буде люципрови воду и файку подавати“.

„Не тѣштесь, не тѣштесь“ — вѣдозвался премудрый Соломонъ. — „мною однимъ. Вѣнъ прійде ще разъ и васъ всѣхъ звѣдти повыганя“.

Перестрашилися чорты. Взяли Соломона за общѣвку и выпровадили зъ пекла. Сами замкнулися ажъ на дванайцять брамъ, щобы Христось до нихъ не дѣостався.

Такъ выйшовъ Царь Соломонъ своимъ розумомъ навѣть зъ пекла!

2. Чорна слабѣсть.

Давно се було. Небѣжка бабуня оповѣдала намъ о тѣмъ:

Теперь не ма ани половины вже того, що колись було. Нема ни чудесъ, ни святыхъ, ани угодникѣвъ Божихъ, не чути ни за опирѣвъ або богинѣ. Все десь счезло. Я ще маленька була, якъ у насъ служила старушка Гаська. Гѣдна була. Давно вже перенеслася она до милосерной

Матѣнки Божои. Она то на власнй очи видѣла опирѡвъ, якъ принесли чорну слабѡсть:

Коло дванайцатои вийшла зъ цвинтаря цѣла товпа бѣлыхъ опирѡвъ. Чоловѣки и жѣнки. Ишли они вѡдъ одной керницѣ до другои, вѡдъ рова до саджавки и плювали вѣ воду. Такъ затроювали еи. Люди и худоба, падали якъ воробцѣ пѡдчасъ сильного морозу. Не знали вѡдъ чога!

Впустилися опири за село до млына, Хотѣли и тамъ заразу занести... По серединѣ дороги запѣявъ когутъ першій разъ.

Они зачали утѣкати назадъ. А гнали такъ скоро и сильно, що ажъ земля дуднѣла. Побудилися люди.

Мѣжь живыми небѡщиками була одна крива. Не могла такъ скоро утѣкати. Просила зачекати, або помочи еи, але дарма. Лишили еѣ.

Она зѡ злости кричала на цѣле село: не пійте людонѣки воды, бо опирѣ еи затроили. Вѣ тѡмъ запѣявъ когутъ втрете. Крива впала неживою. Люди почули то и перестали воду пити. А хто мимо того напився, сейчасъ умиравъ.

Бабѣ-опирисѣ пробили осиковымъ кѡлкомъ сердце. Зъ него бухнула струями кровь, якъ вѣ живого чоловѣка. Насыпали еще маку и сложили еѣ вѣ грѡбѣ.

Такъ оповѣдала намъ стара бабуня. А мы слухали еѣ, тулились и сидѣли такъ довго, довго, поки не здрѣмнулись у колѣнъ еѣ.

3. Мѣмо, де тато?

Не плохо буде яке Спасибѡ нынѣ. Занадто чиста вода, сказавъ вѡнъ.

Закинувъ невѣдь. Старшій его товаришь
вслувавъ, невѣдь тягнувъ. Горѣ воды плыли.

Чайка колебалася по хвилястыхъ волнахъ
и пересувалася якось велично по зеркалѣ. Въ нѣмъ
вѣдывався глубокой а глубокой голубой небо-
звѣдь. А чайка неначе въ просторѣ воздушномъ
порушалася.

Приплыли до острѣвця. Высѣли въ очеретѣ.
Вытягнули сѣти. Малый полѣвъ.

Шкода нынѣ нашего труда, сказавъ вѣнь.
За чиста вода.

Радилися, що робити. Завтра свято. Петра
припадае и пѣсть кѣнчится. Здалобыся доконче
щось мати.

Соненько такъ свѣтло и тепло горѣло. Ни-
чо не перешкаджало ему. Лѣто на гарадзѣ роз-
сыпалося, Ту зъ горы такъ пекло, а ту такъ сѣ-
на пахли. Що за особливый запахъ!

Закралися на паньске. Заборонене мѣсце.
Болото на днѣ тай рыбный кусень. Тихо поза
корчи пересувалися легесенько они. За першимъ
разомъ чути було, що поведеся.

Вытягнули невѣдь. Очи сами зъ радости
смѣялися. Кобы лишъ скорше выбрати зъ поло-
жи сѣтей. Скѣнчили.

Плывемъ звѣдси?! спытавъ старшій.

Ще разъ, вѣдповѣвъ молодшій. Не скоро
ту будемо.

Закинули ще разъ.

Плыли зъ легенька. Навѣтъ весла не чути
було. Оба мовчали. Каждый радѣвъ надѣею
зыску Удалося имъ! думали.

Хтось верхомъ жене!

Сивымъ? спытавъ молодшій.

- Такъ.

То пань. Втѣкаймо!

Невôдъ лишили въ водѣ и дали рукамъ знати. Чайка тôльки дотыкалася воды. Стрѣлою летѣла.

Стôй! крикнувъ ѣздець.

Даремно. Они скорше вôдъ него мчались впередъ.

Стôй, бо стрѣляю, кричавъ тойже.

Вмѣсто вôдповѣди чути було плесканья весель.

Ѣздець ставъ. Роздався выстрѣлъ.

Рыбаки не зважали. Пнялися дальше въ передъ. Ще кусень, а вже громадске. Заблысла надѣя.

Въ тôмъ павъ другій выстрѣлъ. Чайка захиталася, а въ ней повалився зô стономъ молодшій.

Зъ лѣвого плеча струилася кровь...

Кулька прошила здаеся сердце, бо вôдъ разу скôнчивъ.

— — — — —
Того дня повила ему женка першу дитинку на свѣтъ...

4. Горе!

Вечерь. Каганецъ дрѣмае на пасаню. Стѣнный годинникъ не чакае вже. Его слабый голосъ не перерывае тишины. Тихо — ажъ шумить. Въ печи догаряе. Часъ волочеса куляво. На дворѣ зима. Заверуха гуде попôдъ стрѣху. Часомъ стукне и у вѣконце и розбудить пôвсонну хатину.

На лавчинѣ пôдъ печею пряде жѣнка. Самôтна она. Самôтна неначе въ тюрмѣ, самôтна

неначе въ пустинѣ, самѣтна неначе рѣдни у неи не ма и наче николи не було!

Кружить въ еи пальцахъ веретено, обертаеся, но не фурчить. Повѣльно, спокѣино она обертае нимъ.

Сидить и плаче. Очи запалися глубоко въ голову. Видко не разъ и не два на день злывають они поморщене вже лице.

Чому плаче она?

Мовчить. Плаче безъ слѣвъ, плаче безъ звука, навѣтъ безъ скрывленья. Слезы такъ вже и такъ течуть.

Гей! Чому плаче она?

Безъ вѣдповѣди. Мовчки глядить она по хатѣ и дальше плаче. Сердце еи бѣся, рвесе щось въ нѣмъ, — болить оно!

Выпало веретено съ руки. Сидить, мовь камень.

Встае. Здѣймае веретено, здѣймае кужель зъ пряслицѣ и вѣдкладае на лавцѣ. Сама клякае передъ образами.

Бѣе поклоны, цѣлуе землю, бѣся въ груди и молитву начиняе. На пѣвголосно молится...

Скѣнчила за себе. „За вѣчный упокой мого...“ и недоговорила. Припала чоломъ до землѣ и довго, довго клячѣла такъ.

Помолилася за мужа свого. „Теперь за царство небесне донечки мои...“ и зновъ вѣдъ початку зачинае.

Боже, якъ молится она! Якъ щиро и якъ жалѣсно на образы святѣ дивится она! Якъ она трясесе цѣла и стогне...

Чи не слаба она?

Никому пѣдняти еи. Никому потѣшити, въ лѣжку прикрыти.

Були, — не вернутся!

Вѣдмерли еи! Обое въ однѣмъ роцѣ вѣдъ
разу и лишили еѣ самѣтну въ оттоѣ хатинѣ...,
неначе въ домовинѣ зѣ вѣконцемъ.

Могильна тишина сумомъ настроюе, кож-
дый кутикъ мерцемъ вѣе, а она — жива, сама,
въ нѣѣ томится..

— — — — —
Горе женѣ безѣ мужа, дѣтей и рѣдни на
старѣсть зѣстатися!

Нерозсудною смѣлостью

есть дуже вѣрити счастливому состоянію своего здоровья и утверждати: „ничого менѣ не станесь бо я хлопецъ моторный“. Бо предѣнь никому мати падъ колыскою не спѣвала, ани не предсказывала чи его коли не буде мучити подагра. Часто малый вѣтрець выстарчить, щобы насъ наразиги на прикрый ревматизмъ, щобы набавити насъ пострѣлу, рванья и колотья. Розсудныи люди мають всегда въ дома Феллера рослинную Флуидову эсенцію съ маркою „Elsafluid“ и въ той спосѣбъ забезпечаются передъ чувствительными терпѣніями. Тоже и нашимъ читателямъ поручаемъ купити 12 флашокъ оплачено за 5 кор. у антикара E. V. Fellera Stubica, Flsaplatz N. 301 (Kroatien); добре есть заказати одновременно Феллера пигулки рабарбаровыи съ м. „Elsapillen“, которыи дѣйствуютъ прочищающе, усмиряють корчи и улегчаютъ травленье. 6 пачокъ того препарату коштуе оплачено 4 коронъ.

До Н. М. Членовъ!

Просимъ всѣхъ — кому благо Общества лежитъ на сердцѣ — поспѣшити съ присылкою залеглостей и отновити членскіи вносы на 1914 г. При семъ свернемъ увагу, що съ 1911 г. повышень членскій вносъ тѣлько для интеллигенціи на 4 кор.—для крестьянъ остается якъ давнѣйше 2 кор. годично.

И 59.572

Найпевнѣйше складати гроши на
процентъ
въ центральному русскому кред. товариству.

„ЗАЩИТА ЗЕМЛИ“

во Львовѣ.

Отъ вкладокъ платится $4\frac{1}{2}\%$ и оплачивается рентовой податокъ.

Большіи суммы и на долгое время принимается на окремыхъ условіяхъ.

Вклады ошадности въ „Защитѣ Земли“ мають полное обезпеченье бо „Защита Земли“ употребляетъ вкладокъ на купно земли или на пожички для такихъ людей, що ручать за сплату пожичокъ своею землею.

Кто хоче зложити въ „Защитѣ Земли“ свои гроши нехай напише картку корреспонденційну а контора вышлетъ чекъ почтовой щадничой касы, которымъ присылка грошей послѣдуе безъ всякихъ коштѣвъ.

Адресъ : Львовъ ул. Армянская ч. 3.

ИЗДАНИЕ ОБЩ. ИМ. М. КЯЧКОВСКОГО

Январь и февраль 1914. Ч. 457 и 458.

ТАТАРОВЕЦЪ.

ПОВѢСТЬ.

изъ татарско-монгольскихъ наѣздовъ.

Написалъ

Антоній Ивановичъ,

НАРОДНЫИ СКАЗАНІЯ.

(Собралъ изъ устъ народа С. Шахъ).

ЛЬВОВЪ 1914.

Изъ типографіи Ставропільскаго Института
подъ управленіемъ М. Редя.

За редакцію отвѣчаетъ : Филиппъ И. Сивстунъ.

Цѣна 40 гел.